

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

СВЯТАЯ НАУКА УСЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА

**Знаменательные даты
по тифлологии**

2011 год

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Выпуск № 8

РОСТОВ – НА – ДОНУ

2011

Ответственная за выпуск Т. Н. Кондратенко

Редактор-составитель Е. И. Соколова

Компьютерная вёрстка: Е. И. Соколова

С 25

«Святая наука услышать друг друга»: методическое пособие /
Ред.- составитель Е. И. Соколова, – Ростов-на-Дону,
ГУК РО «Ростовская областная специальная библиотека для слепых», 2011.

*Думают иные – те, кто звуки слышат,
Те, кто видят солнце, звёзды и луну:
Как она без зренья красоту опишет?
Как поймёт без слуха звуки и весну!?*

*Я услышу запах и росы прохладу,
Лёгкий шелест листьев пальцами ловлю.
Утопая в сумрак, я пройду по саду,
И мечтать готова, и сказать «люблю»...*

*Пусть я не увижу глаз его сиянье,
Не услышу голос, ласковый, живой,
Но слова без звука – чувства трепетанье –
Я ловлю и слышу быструю рукой.*

*И за ум, за сердце я любить готова.
Так, как любят запах нежного цветка,
Так, как любят в дружбе дорогое слово,
Так, как любит трепет сжатая рука.*

*Я умом увижу, чувствами услышу,
И мечтой привольной мир я облечу...
Каждый ли из зрячих красоту опишет,
Улыбнётся ль ясно яркому лучу?*

*Не имею слуха, не имею зренья,
Но имею больше – чувств живых простор:
Гибким и послушным, жгучим вдохновеньем
Я соткала жизни красочный узор.*

*Если вас чаруют красота и звуки,
Не гордитесь этим счастьем предо мной!
Лучше протяните с добрым чувством руку,
Чтоб была я с вами, а не за стеной.*

Ольга Скороходова

СОДЕРЖАНИЕ:

От редакции.....	5
Творец своей судьбы (<i>Венера Денискина</i>).....	7
Шестой председатель ВОС (<i>Борис Зимин</i>).....	13
Я прошла сквозь мрак и бури... (<i>Ольга Скороходова</i>).....	16
Старейшая в мире (<i>Московская офтальмологическая больница</i>).....	22
Автор «Клинической офтальмологии» (<i>Сергей Головин</i>).....	25
Создатель физиологической оптики (<i>Герман Гельмгольц, Московский институт его имени</i>).....	28
Первая Кармен (<i>Алисия Алонсо</i>).....	35
Гимн Байкала (<i>Дмитрий Давыдов</i>).....	39
Злосчастный пояс (<i>Василий Косой</i>).....	44
Не теряйте надежды (<i>Ванга</i>).....	48

ОТ РЕДАКЦИИ

В арсенале кинематографистов есть такой приём, когда на несколько мгновений вдруг исчезает изображение и выключается звук.

Используется этот приём крайне редко, потому что зрителю становится не по себе.

Но гораздо страшнее, если нечто подобное случается в жизни...

Уважаемый Читатель!

Вы держите в руках восьмой выпуск тифло-ежегодника «Святая наука услышать друг друга».

Это наше – уже ставшее традиционным – издание, посвящённое юбилейным событиям из жизни незрячих.

Состоит ежегодник как бы из двух частей.

Первая – это небольшие материалы о враче Сергее Головине, о преподавательнице Венере Денискиной, о поэте Дмитрие Давыдове ...

В мировой истории столько интересных имён – и половина из них – ни о чём, собственно, никому не говорящих!

И целый год, поэтому, сотрудники Ростовской областной библиотеки для слепых занимаются поисками материалов для этого издания.

Что-то находится сразу, а что-то приходится собирать по редким обрывкам.

А что-то вообще не находится – ну, мы тогда оставляем тему открытой в надежде на будущие новые публикации.

Именно поэтому так отличаются по форме и содержанию наши рассказы – разные у них авторы и разные источники данных.

О некоторых, упомянутых в сборнике личностях, мы писали ранее. Вот об Иване Афанасьевиче Соколянском рассказано в шестом выпуске (2009 год).

Что-то героев наших рассказов сближает (например, и Сергей Головин, и Герман Гельмгольц занимались изобретением и изучением медтехники).

Что-то же, наоборот, разъединяет (например, Венера Денискина – инвалид с 3 лет – рекомендует обучать особых детей только в специальных школах; а вот Борис Зимин – ослепший взрослым – считал это не особо важным).

Но тем, наверное, и интереснее порассуждать: чьи же взгляды выдержали испытание временем?

И не все герои наших повествований – положительные.

Вот князь Василий Косой – вовсе уж не пример для подражания. Но мы решили рассказать и о нём – это тот, не такой уж редкий случай, когда к собственному несчастью человека привели его собственные деяния!

Вторая часть тифло-ежегодника побольше. И посвящена только одной женщине.

На 2011 год приходится одна особенная дата.

31 января отмечается 100-летие со дня рождения Вангелии Димитровой Гуштеровой – Ванги.

Мы нарушили хронологию и вторую часть сборника – 10 последних страниц – отдали фактам из её биографии.

Необычная личность.

Говорят, предсказала гибель «Курска»...

Мы не стали на страницах нашего сборника рассказывать о пророчествах Вангелии – ими завалены все СМИ.

Мы решили обрисовать её жизненный путь.

Он был долгим и очень горьким.

И потому рассказ наш получился не кратким тоже.

Непростая судьба, редкие способности, популярность кинозвезды, толпы приезжающих со всего мира – создали вокруг этой женщины массу легенд; и теперь трудно понять, где истина, а где вымысел...

Ходили слухи, к примеру, что нашего знаменитого Штирлица – актёра Вячеслава Тихонова она встретила очень недовольно:

«Почему ты не выполнил желания своего лучшего друга – Юрия Гагарина? Когда он отправился в свой последний испытательный полёт, он приехал к тебе и сказал: «У меня нет времени на покупки, потому очень тебя прошу – купи себе будильник, как будто бы я его купил, и поставь его на письменный стол. Это будет тебе от меня на память».

При этих словах Тихонов чуть не упал... Да, конечно! В те горестные дни после гибели первого космонавта было не до подарков, а потом актёр об этой просьбе забыл.

В опубликованных официальных интервью Вячеслава Васильевича такой случай не подтверждается.

Итак, восьмой выпуск.

«Год за годом расширялись мои записи, обогащался мой литературный язык. Читатель может верить мне или не верить – это его воля, – но знаниями и литературной речью я обязана чтению книг и в первую очередь, художественной литературы. Спасение слепого, глухонемого и особенно слепоглухонемого – в чтении», - так утверждала слепоглухонемая писательница и педагог Ольга Ивановна Скороходова.

Этим уже 55 лет и занимается Областная специальная библиотека для слепых города Ростова-на-Дону. Предоставляет возможность чтения.

К большому сожалению, те, кто сочиняют законы, – о том, что Конституция каждому гарантирует свободный доступ к информации – наверное, никогда не слышали.

И потому постоянно что-то запрещают.

Вот, нельзя из библиотеки выносить диски.

Видимо, для начала XXI века создание подобных барьеров – это нормально...

Наша библиотека старается подобные барьеры обойти.

Уважаемый Читатель, сотрудники Областной библиотеки надеются, что собранные материалы покажутся Вам интересными, заслуживающими внимания и ещё раз напомнят о том, что все мы в одной упряжке – как зрячие, так и незрячие...

*

2 января исполняется 65 лет со дня рождения одного из лучших советских тифлопедагогов – слабовидящей Венеры Денискиной.

*Э. А. Васильченко,
заместитель директора*

ТВОРЕЦ СВОЕЙ СУДЬБЫ

В столице Башкирии, в Уфе, в семье Закира Ахметовича и Аклимы Хабибулловны Хабировых 1 января 1946 года родилась девочка.

Назвали её Венера.

Венера Закировна Хабирова.

Мама хотела, чтобы у дочки было больше праздников, и попросила при регистрации записать 2-е число вместо 1-го – с тех пор ежегодно день рождения отмечается дома и 1, и 2 января.

А у Закира Ахметовича наконец-то зажили раны, полученные в боях на Курской дуге, и он устроился на работу – его взяли начальником переплётного цеха в артель «Новый быт инвалидов».

Венера была первым послевоенным ребёнком среди многочисленной родни, а жили все родственники рядом – на одной улице.

Через два года у Хабировых появился маленький Рамиль. И случилось так, что именно в те несколько дней, когда Аклима Хабибулловна находилась в роддоме, Венера заболела корью.

Ухаживать за ней пришлось 8-летней сестре Зареме, а болезнь протекала очень тяжело. Когда же дочка стала, наконец, потихоньку подниматься, то оказалось, что она натывается на окружающие предметы.

Корь дала серьёзное осложнение – частичную атрофию зрительного нерва.

У Венеры появилась боязнь даже знакомого пространства.

Так, 3-х лет от роду она стала инвалидом.

Тем не менее, в садике от неё не отказались, хотя понятия не имели, как надо воспитывать детей с остаточным зрением. Не знали этого и родители.

Помощь пришла неожиданно.

Аклима Хабибулловна отправилась на работу к мужу. Встретилась там с там незрячими женщинами, рассказала им о своей беде и попросила совета. Оказалось, что не все из них потеряли зрение в результате военных действий – некоторые были инвалидами с детства, но работали и давно уже научились себя обслуживать сами.

Именно они и поведали Аклиме Хабибулловне о том, как без зрительного контроля можно выполнить то или иное бытовое действие, как незрячие овладевают грамотой, как организуют самостоятельную жизнь.

Многие родители и тогда, и теперь – воспитывая детей-инвалидов – опекают их так, что практически живут за них, лишая ребёнка всякой самостоятельности, программируя пожизненную зависимость от окружающих.

Но Аклима Хабибулловна твёрдо решила, что сделает всё, чтобы дочка смогла жить самостоятельно.

Она и не подозревала, что на этом пути сделает множество методических открытий, которые потом её дочь (став дефектологом), будет передавать родителям и тифлопедагогам.

А в те годы, приняв для себя главное решение, мать старалась учить ребёнка всему, что умеют делать её сверстники. С раннего детства Венера выполняла всякую домашнюю работу: мыла посуду и полы, полола грядки, кормила домашних животных, ходила в магазин за продуктами и т. д.

В 7 лет мама начала учить её стряпать. В 8 – пришлось целый месяц (пока мама лечилась в санатории) ежедневно стирать одежду детсадовца-братика.

И теперь – исходя из своего собственного опыта – Венера Закировна Денискина считает, что при воспитании слепого ребёнка надо бояться слова «поздно», а не слова «рано».

К моменту поступления в школу Венера Хабирова умела писать крупными печатными буквами фамилию и имя, считала до десяти, знала наизусть много стихов, сказок и анекдотов – начинала их рассказывать с 4-летнего возраста.

Однако учёба в школе началась плохо – с двоек.

Не сложились отношения с первой учительницей – девочка раздражала её тем, что при письме не обращала внимания на разлиновку тетради; а тексты букваря не читала, а дословно пересказывала наизусть. Учительница не понимала, что Венера не видела напечатанные буквы и слова «читать» и «пересказывать» были для неё синонимами.

Тогда Венера ещё не могла объяснить другим, что и как ей позволяет (или не позволяет) её зрение.

Во многом именно эти и подобные воспоминания вызовут у тифлопедагога Денискиной желание не только серьёзно изучить патологии глаза, но и скрупулёзно собирать среди инвалидов по зрению примеры из их личного опыта ориентировки в окружающем мире, чтобы объяснять родителям и специалистам-дефектологам возможности дефектного зрения.

Но тогда (в далёком 53-м) некоторое облегчение в учёбе (и в отношениях с учительницей) у Венеры наступило лишь после того, как при стационарном обследовании ей подобрали очки. Врачи установили, что помимо атрофии зрительного нерва, у девочки очень высокая дальность зрения, амблиопия и косоглазие.

К сожалению, в тот период врачи не располагали методикой лечения подобных недугов.

Учёба во 2 классе началась в новой обстановке. С 1954 года школы перестали делить на женские и мужские, и родители перевели Венеру поближе к дому.

В новой школе повезло больше. Молодая учительница Надежда Николаевна, оценив проблемы девочки, посадила её за первую парту – прямо перед собой. Предложила маме разлиновывать тетради ярко и крупно, не стала снижать оценки за некрасивый почерк, а предъявляла требования только к грамотности. И не заставляла её на уроке читать учебник.

Дело наладилось – первую же четверть Венера окончила на пятёрки и четвёрки. Среди одноклассников она пользовалась авторитетом, в третьем классе её выбрали звеньевой пионерского звена, а в четвёртом – даже председателем совета пионерского отряда.

Вот потому Венера Закировна Денискина страстно пропагандирует индивидуально-дифференцированный подход к каждому ребёнку при организации учебно-воспитательного процесса.

А уж – инвалиду – особенно!

Но какой бы замечательной ни была учительница Надежда Николаевна, непреодолимые трудности у Венеры остались – она не могла самостоятельно читать книги.

По совету незрячих друзей родители начали хлопотать, чтобы Венеру определили в школу для слепых, где она могла бы получить полное среднее образование.

В Башкирии такая школа была, но в ней получали образование только в объёме семилетки. Кроме того, родителям рекомендовали устроить Венеру в школу, расположенную в большом городе, где педколлектив имел много больший опыт работы со слепыми детьми.

После долгих мытарств Венеру приняли в 5 класс Куйбышевской (ныне – Самара) школы-интерната для слепых детей.

Самое большое впечатление от первых дней пребывания в школе слепых – это состояние прекрасного полёта.

Денискина вспоминает:

«Было такое ощущение, как будто у меня выросли крылья и я свободно, как птица, лечу над зелёными полями, в душе восторг. С первых же дней в школе почувствовала себя комфортно, прежде всего – на уроках. Всё было интересно и понятно. С любым заданием можно было справиться не хуже других, а даже лучше».

Венера быстро и легко освоила письмо Брайля и уже с 13 сентября (всего через две недели!) не отставала от своих одноклассников при диктанте.

С чтением же по Брайлю было сложнее. Первый раз вслух она читала на уроке 20 сентября. Читала по слогам, но Аскар Алекберович – её первый незрячий учитель – поставил четвёрку и сказал:

«Это аванс. Будешь стараться – сумеешь получить честную четвёрку. Без труда – не выловишь и рыбку из пруда».

Ох, как часто потом жизнь убеждала Венеру в истинности этой народной мудрости!

Очень многому научили родители, особенно мама, но без Куйбышевской школы для слепых детей – утверждает Венера Закировна – она едва ли смогла бы состояться и стать дефектологом и реабилитологом.

Профессор тифлопедагогики Денискина – убеждённый сторонник необходимости обучения незрячих детей **именно в специальной школе!**

В детстве она, конечно, не понимала, что секрет её школьных успехов кроется в адекватных методиках обучения. Став тифлопедагогом, в своей научной деятельности она будет уделять огромное внимание проблеме совершенствования и разработки таких специальных методик.

Венера Закировна убеждена, что лишних знаний и умений не бывает.

Например, в школе на занятиях художественным чтением Галина Сергеевна Коробко учила Венеру для регулирования силы голоса и качества произношения слов не только использовать слух, но и контролировать силу звука по вибрации гортани.

Кто тогда мог знать, что в 33 года (после перенесённого на ногах гриппа) список болезней Денискиной пополнится диагнозом «двусторонняя тугоухость»? И многие годы – до появления цифровых слуховых аппаратов – именно уроки Галины Сергеевны позволят ей успешно продолжать совмещение научной деятельности с лекционной.

Вообще, о школе и педагогах Венера Закировна всегда вспоминает с большой благодарностью. А собственные жизненные наблюдения дали ей немало тем для научных изысканий.

Впоследствии, став дефектологом, Денискина придавала большое значение проблеме формирования неречевых средств общения. На лекциях и встречах рассказывала об этом педагогам и родителям; изучала последствия отсутствия специальных коррекционных занятий по мимике и пантомимике в школах для детей с нарушением зрения.

Она постоянно наработывала со своей единомышленницей – бывшей сокурсницей по институту – Еленой Филипповной Сивинской соответствующие методические приёмы. Сивинская преподавала в начальных классах Харьковской школы для слепых детей.

Но только через 20 лет эту тему разрешили включить в план научной работы Института дефектологии. К этому времени проблеме мимики и жеста у незрячих стали уделять внимание и другие специалисты-тифлопедагоги; особенно успешными были наработки Санкт-петербургских коллег.

В 1964 году Венера окончила школу, аттестат получила по текущим оценкам, т. к. практически пять месяцев учебного года проболела и была освобождена от сдачи государственных экзаменов.

И эту девушку принимали (тоже без экзаменов) в Куйбышевское культпросветучилище – как победительницу городских конкурсов чтецов.

Но была мечта о высшем педагогическом образовании...

Причём учиться надо было только в Уфе, дабы в случае обострения болезни быть поближе к родным. Поэтому Венера селится у своей городской тётки и поступает ученицей на учебно-производственное предприятие Всероссийского общества слепых.

Она записывается в различные кружки самодеятельности в клубе для слепых и поступает на подготовительные курсы математического отделения Башкирского государственного университета.

Почему математика?

Потому, что:

- во-первых, так посоветовал отец, сказав, что заниматься надо серьёзным делом;
- а во-вторых, незрячим математикам в то время было легче найти работу.

Да и университет предпочтён пединституту лишь потому, что давал больше возможности трудоустройства.

Первокурснице Хабировой очень пригодился весь тот багаж, который приобрела она в школьные годы. Что Венера делала?

Учила сокурсников по общежитию современным танцам; организовывала для девочек, приехавших из деревень (отродясь не видевших ни оперы, ни балета), культпоходы в театр. Даже придумала свою методику пропаганды серьёзной музыки!

А проблем с чтецами во время сессий у Венеры не было благодаря её коммуникабельности и – умению понятно пересказывать сложный материал учебников (объясняя логику математических выкладок лектора). Всегда находились сокурсницы, которые сами предлагали готовиться к экзаменам вместе для взаимной помощи.

О дружбе и взаимовыручке студентов Венера Закировна всегда отзывается с большой теплотой. Впоследствии – прежде всего воспоминания о жизни в общежитии дадут Денискиной-реабилитологу тему для размышлений: особенность подготовки инвалида по зрению к обучению в вузе.

1970 год. Долгожданный диплом – в кармане.

Молодого специалиста направляют преподавать математику в Уфимскую школу для слепых детей.

В жизни Венеры Хабировой началась «золотая пора». У неё было три класса: 5 «А» состоял из слепых детей с сохранённым интеллектом; 5 «Б» – из слепых с сохранённым интеллектом, но с тяжёлыми сопутствующими заболеваниями; а 5 «В» – из слепых с нарушением интеллекта.

Молодая учительница полюбила своих учеников и в школу не шла, а летела. И старалась учить – и танцевать, и вязать, и кататься на коньках, не ограничивая занятия лишь математикой.

Однако через год приходит убеждённость, что в её работе с ребятами – для осуществления в процессе обучения индивидуально-дифференцированного подхода – одних университетских знаний явно недостаточно; и она поступает на тифлоотделение дефектологического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

Приняли Хабирову (как имеющую высшее образование) сразу на третий курс. В спецгруппу, которая комплектовалась из тех, кто уже работал в школе для детей с нарушением зрения.

Ленинградские преподаватели открыли молодому педагогу двери к знаниям в новых для неё областях науки – патология органа зрения, тифлопедагогика, тифлопсихология, тифлотехника, невропатология.

И знания эти она с энтузиазмом применяла на практике; переживала за своих питомцев, радовалась их успехам; огорчалась неудачам; искала пути преодоления тех трудностей, которые испытывали дети в процессе изучения не только математики, но и других школьных дисциплин.

В 1974 году Венера Хабилова вышла замуж, стала Денискиной и переехала в Москву. Сразу же возникла проблема поиска работы. Ни в одну из трёх московских школ для детей с нарушением зрения её не взяли. В обычные школы – тем более.

Вакантные ставки нашлись в ПТУ. Денискина выбрала училище № 45. Тут уж она скрыла от директора свою инвалидность.

От новых же своих учеников Венера Закировна свои проблемы прятать не стала, она просто и без всякого трагизма объяснила, что из-за слабого зрения долго не сможет их узнавать. Рассказала и о том, что окончила школу для слепых детей, что сама в такой же школе после университета проработала 4 года, и что через год получит второе высшее образование.

На её подопечных это произвело большое впечатление.

Наступил июнь 75-го.

Государственную экзаменационную комиссию в Ленинградском пединституте возглавляла Людмила Ивановна Солнцева – заведовавшая в то время лабораторией обучения и воспитания слепых детей в НИИ дефектологии АПН СССР в Москве.

На её сетования по поводу дефицита в Москве квалифицированных тифлологов, ленинградские коллеги А. Г. Литвак, Э. М. Стернина и В. А. Феоктистова порекомендовали взять в лабораторию Денискину.

В августе 1975 года Венера Закировна приступила к работе в НИИ дефектологии в качестве младшего научного сотрудника. В работу включилась активно.

Надо заметить, что первые годы работы в Институте дефектологии прошли у неё в состоянии эйфории от счастья слушать и общаться с именитыми учёными: Ю. А. Кулагиным, В. И. Лубовским, Е. М. Мастюковой, Н. Г. Морозовой, М. С. Певзнер, Ф. Ф. Рау и многими другими, которых раньше она знала только по публикациям.

И, самое главное, с Т. В. Розановой – руководителем её диссертации.

В начале своей научной деятельности в Институте дефектологии Денискина проводила исследования, связанные с проблемами изучения математики в начальных классах школ для слепых.

На основе этих исследований были составлены новые программы, написаны методические пособия и статьи. Затем в круг её интересов вошли вопросы, связанные с обучением математике не только незрячих, но и слабовидящих детей. Денискина вошла в коллектив авторов, писавших программы для образовательных учреждений III и IV вида по заданию Министерства образования РФ в 1977, 1983, 1986, 1997 и 1999 годах.

Итогом этого периода её научной деятельности стала защита диссертации на тему «Особенности обучения элементам геометрии слепых младших школьников», издание нескольких научно-методических работ и медаль Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства СССР.

Все эти годы Венера Закировна занималась адаптацией учебников издательства «Просвещение» по математическим дисциплинам для слабовидящих школьников. Консультировала редакторов, занимающихся адаптацией учебников по астрономии для издания рельефным шрифтом и изданием учебников математики для детей с нарушением интеллекта.

Постепенно круг научных интересов Денискиной расширялся – она стала одним из разработчиков специальных программ, призванных повысить эффективность работы школ по подготовке детей с нарушением зрения к самостоятельной жизни. Это направление её работы отражено как в программах по коррекционным курсам, так и в методических пособиях и статьях.

В 1992 году НИИ дефектологии был переименован в Институт коррекционной педагогики (ИКП РАО).

Лаборатории обучения и воспитания слепых и слабовидящих детей слили в единую лабораторию содержания и методов обучения детей с нарушением зрения. Возглавила её Любовь Ивановна Плаксина. Она и привлекла Денискину к решению проблем дошкольной инвалидности.

Венера Закировна стала постоянным научным консультантом в московском образовательном учреждении для детей с нарушением зрения № 1697 «Начальная школа – детский сад».

С ростом авторитета Денискиной в научном мире её стали приглашать в качестве оппонента на защиту диссертационных исследований по коррекционной педагогике.

В Институте дефектологии Венере Закировне сразу же поручили чтение лекций по тифлологии. Первые такие занятия она провела в 1976 году в Вологде на Всесоюзных курсах повышения квалификации завучей школ для слепых и слабовидящих детей. Проба оказалась удачной.

По мере систематического участия в подобных мероприятиях росла популярность Денискиной в регионах, расширялись творческие контакты со школами и детскими садами; её все чаще приглашали в различные образовательные учреждения страны для чтения лекций по тифлологии.

В 1997 году Денискину приняли (по совместительству) на работу в Академию повышения квалификации и переподготовки работников образования. Она выступала с циклами лекций перед слушателями Казани, Томска, Новосибирска, Красноярска и других городов страны.

Её приглашали читать лекции для студентов Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (ныне МПГУ), Московского государственного открытого педагогического университета им. М. А. Шолохова, Башкирского государственного педагогического университета.

В 2003 году Венеру Закировну пригласили на работу (снова – по совместительству) в Институт профессиональной реабилитации и подготовки персонала ВОС «Реакомп», предложив заняться проблемами реабилитации взрослых инвалидов по зрению.

Несмотря на большую занятость, она не смогла отказаться от этого предложения.

В феврале 2006 года Денискина сменила на посту заведующей лабораторией Л. И. Плаксину.

Под её руководством лаборатория продолжает работу по решению актуальных проблем обучения, воспитания, развития, абилитации и реабилитации, социальной интеграции детей с нарушением зрения.

Сегодня здесь обобщаются, систематизируются и разрабатываются новые материалы в помощь деятельности тифлопедагогов в дошкольных учреждениях компенсирующего вида для детей с нарушением зрения. При участии Венеры Закировны было проанализировано состояние трудового и профессионального обучения в специальных (коррекционных) школах для слепых и слабовидящих детей.

Ведётся работа по изучению проблемы обучения детей с нарушением зрения в условиях общеобразовательной массовой школы. Были исследованы возможности получения среднего специального и высшего образования инвалидами по зрению.

В настоящее время в лаборатории приступили к изучению проблемы возникновения тревожности у незрячих подростков и её коррекции.

Научную и лекционную работу завлаб успешно сочетает с общественной деятельностью.

Сегодня Венера Закировна Денискина является членом:

- Совета по реабилитации при Центральном правлении ВОС,
- комиссии по решению вопросов образования лиц с ограниченными возможностями здоровья при Государственной Думе,
- бюро Совета незрячих специалистов при Центральном правлении ВОС,
- редколлегий журналов «Воспитание и обучение детей с нарушениями развития», «Дефектология», «Наша жизнь» и «Школьный вестник».

Несколько лет она была членом Федерального экспертного совета при Министерстве образования РФ, членом редколлегии журнала РТШ «Для вас, женщины», членом ревизионной комиссии Московской первичной организации незрячих работников интеллектуального труда ВОС.

Как говорит сама Венера Закировна, справляться с таким насыщенным графиком работы ей помогают оптимизм; любовь к профессии; ответственность за дело, которому служит; воля к победе в период очередных жизненных перипетий; поддержка родных и многочисленных друзей и нерушимая верность материнским заветам.

О том, какой любовью и уважением пользуется Венера Денискина, говорят стихи, написанные в её честь одной из слушательниц курсов повышения квалификации:

*Спасибо, женщина, тебе
За яркий след в моей судьбе,
За силу воли, счастье встреч,
За выразительную речь,
За каждый правильный совет —*

*На всё, что спросишь, дашь ответ.
За доброту и красоту,
И за общенья простоту,
За душу чистую, как мел,
И за успех грядущих дел.*

*

14 января Всероссийское общество слепых будет отмечать 100-летие со дня рождения незрячего общественного деятеля Бориса Зимина.

*О. В. Глазунова,
заведующая
методико-библиографическим сектором*

ШЕСТОЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОС

Борис Владимирович Зимин родился 13 января 1911 года в Тбилиси. Через некоторое время семья Зиминых переехала в Москву, где Борис и окончил школу.

Свою трудовую деятельность он начал в 1928 году, поступив рабочим на московский химический завод № 13. За отличную работу и трудовые показатели его быстро перевели на должность мастера.

Это было время энтузиазма и первых пятилеток.

Боря Зимин активно участвует в жизни комсомола. В 1932 году его выдвигают на ответственную должность в комитет ВЛКСМ Бауманского, а затем Первомайского районов.

Несмотря на увлечённость работой, Борис остро ощущал необходимость продолжения учёбы.

И в 1937 году его направляют на учёбу в Промакадемию. Но этот вуз вскоре реорганизовали, и после 4 курса в январе 1941 года студент-очник переходит в строительный институт на вечернее отделение.

Но закончить учёбу ему – как и всем остальным советским студентам в этом году – не удалось. Летом его призвали на фронт.

И с первых дней войны Борис Зимин – в действующей армии. Начинал политруком, затем командовал стрелковой ротой, а в звании батальонного комиссара был заместителем командира арт-полка.

За два года – бывали и контузии, и ранения, но – Зимин всегда возвращался в строй.

А в декабре 1943 года счастье отвернулось – он был очень тяжело ранен, и целых три года после этого провёл в военных госпиталях. В конце концов, здоровье ему, в основном, восстановили; но тяжёлая контузия дала о себе знать: Борис потерял зрение.

Но жизнь продолжается...
Несмотря ни на что!

После своего длительного лечения Борис Владимирович решился на визит во Всероссийское общество слепых. Знакомство оказалось позитивным, и в 1946 году его приглашают на работу в аппарат Центрального правления.

А через год – на VI съезде ВОС – избирают первым заместителем председателя Центрального правления (ЦП).

Это было трудное время.

Перед Обществом слепых стояли важные задачи государственного уровня. В эти годы особенно много было военно-ослепших; кто-то ослеп (как и сам Зимин) на фронте, а кто-то – в тылу от болезней, голода и неустроенности.

И надо было организовывать рабочие места, как-то трудоустраивать это огромное количество потерявших зрение людей.

В городах, в рабочих посёлках открывались учебно-производственные мастерские. В дело шли бараки, подвалы, и даже сараи!

Постепенно выявлялись профили производства, отрабатывались технологии, налаживалось снабжение необходимыми материалами и сбыт продукции.

И самое активное участие – в коренной перестройке полукустарных мастерских Общества в индустриальные механизированные предприятия, работающие в кооперации с госпромышленностью – принимает Борис Владимирович Зимин.

Это его бессонным ночам и поистине уникальным организаторским способностям обязаны во-совцы тем, что не остались они тогда, в середине прошлого века, без внимания.

В 1958 году Бориса Владимировича избирают председателем ЦП ВОС.

Этот пост он занимал до 1986 года.

Под руководством Зимина Общество стремительно развивалось и постепенно достигло наивысшего расцвета.

В должности председателя ВОС он последовательно добивался решения на государственном уровне важнейших социальных проблем инвалидов по зрению и успешного претворения их в практической деятельности Общества.

Эта организация стала высокоорганизованной, самодостаточной структурой, способной обеспечивать гарантированную социальную защиту своим членам.

Стремясь к социальной интеграции, Общество смогло выйти на путь окончательного решения проблемы трудоустройства инвалидов по зрению на качественном уровне.

При поддержке государства – и под непосредственным руководством Зимина – ВОС в своей деятельности добилось таких результатов, которые навсегда войдут в историю общественного движения незрячих России и всего мира!

Были открыты сотни предприятий Общества, которые разместились в просторных светлых корпусах. Многие предприятия кооперировались с заводами радиоэлектронной и автотракторной промышленности. Неуклонно росли прибыли. На средства ВОС были построены сотни многоквартирных жилых домов для незрячих.

Были организованы и открыты дома культуры и клубы, школы для слепых и слабовидящих детей, санатории и детские оздоровительные лагеря, а также школы профессиональной подготовки слепых.

Начали свою деятельность Курское музыкальное училище, Кисловодская школа массажистов, школы восстановления трудоспособности.

В 70-е годы Общество слепых оказало громадную финансовую – и не только финансовую – поддержку в строительстве глазных клиник.

Так, на средства ВОС было возведено основное здание Института глазных болезней имени Гельмгольца; построен и частично оборудован Институт, которым многие годы руководил наш знаменитый земляк – офтальмолог Святослав Николаевич Фёдоров.

В год своего 50-летия – за достижения в области социальной реабилитации и трудоустройства инвалидов по зрению – Общество было награждено орденом Трудового Красного Знамени.

Зимин много сделал для расширения международных связей.

Ясный государственный ум, отшлифованный огромным практическим опытом, талант и энергия Бориса Владимировича выдвинули его в ряд руководящих деятелей Всемирного движения слепых.

С 1969 года Общество слепых активно включилось в деятельность международных организаций инвалидов по зрению.

Выступая перед зарубежными специалистами, Борис Владимирович никогда не забывал подчёркивать особенности опыта ВОС по трудоустройству десятков тысяч незрячих, их вовлечению в общественно-полезную деятельность.

Он очень гордился советской системой массового обучения слепых в школах (необязательно – в специальных), в средних специальных и высших учебных заведениях и всегда с удовольствием рассказывал об этом заинтересованным представителям зарубежных организаций.

Как представитель ВОС, Зимин принимал участие в работе Всемирного Совета благосостояния слепых, в Европейском региональном и постоянных комитетах. В частности – в Комитете по оказанию помощи национальным организациям слепых развивающихся стран.

В 1969 году (за активное участие в международной деятельности) на IV конгрессе Всемирного Совета благосостояния слепых при Юнеско Бориса Владимировича Зими́на избрали членом Исполкома и вице-президентом этого Совета.

А через пять лет Борис Владимирович стал и президентом Всемирного Совета Благосостояния Слепых.

За большой вклад в дело реабилитации незрячих, в становление и развитие международных организаций слепых Борис Зимин был удостоен «Золотой медали Луи Брайля».

Деятельность шестого председателя ВОС в мирное время была высоко оценена на государственном уровне. В 1967 году он был награждён орденом Трудового красного знамени, в 71-м – орденом Ленина, а в 81-м – орденом Октябрьской революции.

Не остались без внимания и его военные заслуги – у Бориса Владимировича Зими́на орден Отечественной войны I степени и несколько медалей.

И после выхода на пенсию продолжал он вести активную общественную работу, являясь председателем Совета ветеранов ВОС и военно-ослепших.

Так уж сложилось, что у этого человека была очень долгая и очень насыщенная жизнь – ушёл от нас Борис Владимирович Зимин совсем недавно – 11 марта 2008 года – за три года до 100-летнего юбилея, который и будет отмечать 14 января (на наш Старый Новый год) Всемирный Совет благосостояния слепых при Юнеско.

*

11 мая исполняется 100 лет со дня рождения Ольги Скороходовой – слепоглухонемого тифло-сурдопедагога и писательницы.

*И. П. Докунина,
библиотекарь отдела комплектования*

Я ПРОШЛА СКВОЗЬ МРАК И БУРИ...

*Прославлен тот боец, что верною рукою
Добьётся, невредим, победного венца.
Но честь – двойная честь – бесстрашному герою,
Кто ранен, весь в крови – но бьётся до конца.*

Ольга Скороходова. «Соратникам»

...Казалось, только один человек сохранял спокойствие в аудитории Академии педагогических наук – невысокая женщина в строгом чёрном костюме. А между тем именно из-за неё и пришли сюда профессора, педагоги, врачи...

Спокойным, ровным голосом говорит Ольга Скороходова о своей работе, которая представлена на соискание учёной степени кандидата педагогических наук. Быстро отвечает на вопросы. Возражает, когда не согласна.

И только внимательно присмотревшись, можно заметить, что она правой рукой быстро водит по наколотой (по системе Брайля) бумаге и время от времени дотрагивается до горла, проверяя, говорит ли?

Она не слышит ни звука, а вопросы (ей через руку) специальной азбукой передаёт переводчик.

Слепоглухая Ольга Ивановна Скороходова публично отстаивает своё право стать в один ряд с учёными нашей страны.

В качестве диссертации она защищает свою – ставшую уже широко известной – книгу «Как я воспринимаю и представляю окружающий мир». Перед учёным советом лежали чешское, китайское, румынское, немецкое издания.

Книга не развивала, не продолжала – она создавала науку. А автором была женщина, которая завоевала своё место в жизни, победив мрак и безмолвие.

Ольга Скороходова родилась 11 мая 1911 года на Украине, в селе Белозёрка (недалеко от Херсона). Её родители – бедные крестьяне.

В автобиографии записано: *«Когда отца в 1914 году угнали на войну, мать осталась единственной работницей в семье, состоящей из братьев и сестёр моего отца и больного дедушки. Мать много работала – батрачила у священника... Но как ни тяжёлы были годы моей маленькой жизни, они всё же были моим «золотым детством» до того дня, как я заболела».*

А заболела Оля менингитом. И полностью потеряла сначала зрение, потом слух и частично речь. Наступили полная тьма и полная тишина...

Началась жизнь без звуков и красок – ночь или день – всё одинаково. Только руки ей «рассказывали» о том, что происходит вокруг.

Мама Мария Тимофеевна делала всё, что могла: возила дочь к врачам в Херсон, но они только сочувствующе гладили девочку по голове да советовали матери не падать духом.

Потянулись дни постоянного одиночества (Мария Тимофеевна – с утра до ночи на работе), беспомощности и почти полной изолированности от внешнего мира.

Вот как сама Ольга Ивановна описывала впоследствии своё состояние после болезни:

«Однако, несмотря на это смутное понимание состояния, в котором я находилась, я также смутно продолжала надеяться на тот «прекрасный миг», в который я снова всё увижу и услышу.

...Оттого, что я не ощущала рядом с собой людей, не осматривала того, что меня окружало, мне представлялось, что люди и все предметы находятся от меня далеко, – гораздо дальше, чем это бывало в действительности.

...Моё одиночество способствовало развитию весьма необузданной фантазии... когда я долго не видела мать, думала, что с ней могут произойти какие-нибудь превращения, ведь случилось же со мной что-то, лишившее меня зрения и слуха... Мне начинало казаться, что у матери вдруг исчезли ноги, а вместо рук выросли крылья. Она летает над нашим домом, но не может прийти ко мне.

...Когда я осознала себя «не такой», то есть поняла, что я слепая и почти глухая, у меня появилось смутное представление о каком-то – как я теперь могу определить – огромном чудовище. И оно никому не видимое, никем не слышимое, не осязаемое, тем не менее, неотступно следовало за мной всюду.

Мне представлялось (особенно, когда я оставалась одна), что я всегда «ощущаю» дыхание этого «чудовища» и поэтому знаю о его «присутствии». И даже во сне я его «видела» весьма часто: оно было похоже на громадного – большие лошади – ежа, с короткими толстыми лапами, с такой же по форме как у ежа головой, только большей; но покрыто оно было не колючими иглами, а густой грубой шерстью. И казалось мне, что именно это «чудовище» откуда-то принесло мне болезнь, а потом отняло у меня зрение и слух.

...Когда оставалась одна (мать уходила), то страшное «чудовище», которое преследовало меня в начале моей слепоты, теперь стало ещё страшнее, ещё огромнее в моём представлении. В том отчаянном состоянии, в котором я бывала в отсутствие матери, не в меру разыгравшееся воображение рисовало мне ужасную картину: «чудовище» вползало в хату через чердак и тихо, медленно двигалось ко мне...

От неопишемого страха я вся покрывалась испариной, а по голове и спине бегали мурашки...»

Хотя сам менингит остался уже в прошлом, он долго напоминал о себе частыми сильными головными болями, нарушениями в памяти, высокой утомляемостью.

В той же автобиографии Скороходова пишет: *«Наступил самый трудный, голодный для нашего села 1922 год... Слабая и больная мать слегла в постель, незрячей и почти глухой девочке пришлось обслуживать и себя, и больную мать...».*

Беда одна никогда не приходит. Туберкулёз и сейчас не всегда лечат, а уж в 22-м году-то!

Маму похоронили.

Истощённую, в полубессознательном состоянии, Олю забрала к себе тётка. Но все нормальные контакты с родственниками были очень осложнены из-за её слепоглухоты.

Вместе с окончательной потерей слуха появились и вестибулярные нарушения, Ольге стало трудно ходить, у неё часто кружилась голова. Окружающие же продолжали громко говорить ей на ухо, а она – лишь ощущала их дыхание.

Осенью Херсонский отдел народного образования направил девочку в Одесскую школу для слепых детей.

Только что окончилась гражданская...

Это были голодные годы, и школа помогала выжить.

Олю даже отправляли на лечение в санаторий, откуда она сбежала назад, так как в санатории с ней совсем никто не общался.

Но и в школе для слепых заниматься со слепоглухой девочкой индивидуально не умели, а присутствовать в классе было бесполезно, так как она совсем ничего не слышала!

Неизвестно, что и как сложилось у этого неприкаянного ребёнка в дальнейшем, если бы о несчастной судьбе Оли не прослышал харьковский профессор Иван Афанасьевич Соколянский.

В начале 1925 года её привезли в школу-клинику слепоглухих, которую он сам, Соколянский, только что и создал.

После того, как Оля освоилась с новой обстановкой и привыкла к хорошо организованной жизни в новой школе, Иван Афанасьевич приступил к восстановлению её устной речи.

Он поставил перед собой задачу как можно раньше – хотя бы в самой примитивной форме – получить самонаблюдения самих слепоглухих воспитанников, научить их рассказывать о себе и своих переживаниях!

Для этого, не дожидаясь пока Оля полностью овладеет техникой письма, Соколянский стал работать над ежедневным описанием событий её повседневной жизни.

Умение записывать и умение наблюдать – развивались у Оли параллельно. Она систематически возвращалась к записям своих наблюдений и, оставляя нетронутым факт, изменяла литературную редакцию по мере развития своей письменной речи. Многие факты всплывали из памяти и записывались вновь.

Ни один факт не был ей рассказан со стороны. Все наблюдения она вела самостоятельно и только в записанном виде показывала педагогам, но только(!) для ознакомления, а не для исправления.

Её рукопись при опубликовании никогда(!) не подвергалась никаким редакционным правкам.

17 лет такой работы над дневниками не прошли даром – появился материал для первой книги Скороходовой.

Ольга Ивановна писала:

«Вначале эти записи могли читать только те, кто со мной занимался. Но по мере того, как я овладевала разговорным языком, мои записи становились всё яснее и понятнее... Когда эти записи разрослись, встал вопрос об их литературном оформлении, а потом и об издании.

...Многие записанные факты я переоформляла по 10-20 раз. Ведь одно дело – ощутить, воспринять, «осмотреть» руками предмет, это не так сложно. Гораздо труднее описать этот предмет своими словами совершенно так, как я его воспринимаю, т. е. дать образ этого предмета.

...Год за годом расширялись мои записи, обогащался мой литературный язык. Читатель может верить мне или не верить – это его воля, – но знаниями и литературной речью я обязана чтению книг и в первую очередь, художественной литературе. Спасение слепого, глухонемого и особенно слепоглухонемого – в чтении».

Именно для Оли Скороходовой начал Иван Соколянский работу над изобретением уникальной для того времени «читальной» машины, которая должна была сделать возможным чтение слепыми обычного шрифта.

«Для меня, - напишет потом Ольга Ивановна, - началась совершенно новая, необычная жизнь. В то время в клинике было уже пять воспитанников. Нас окружили большой заботой. Наши воспитатели, педагоги и сам И. А. Соколянский любили нас не меньше, чем своих родных детей.

...В этом учреждении всё было настолько благоустроено, настолько соответствовало в материальном и бытовом отношении своему прямому назначению, что желать лучшего едва ли было возможно, тем более, что воспитанников было не так много – от пяти до девяти человек.

У каждого воспитанника на все случаи было своё определённое отдельное место, чтобы не мешать друг другу во время занятий с педагогом, во время самостоятельных игр. В то же время была и общая комната для совместных игр, гимнастических упражнений и других развлечений.

В клинике был специальный благоустроенный сад, в котором слепоглухонемые дети могли гулять и в одиночку и группой. В саду были огороженные клумбы, газоны, дорожки и площадка для групповых игр. Летом в саду развешивались гамаки, устанавливались деревянные качели, лодки, столы для настольных игр. По длинным прямым дорожкам ребята катались на детских трёхколёсных велосипедах».

Прошло какое-то время, и у Оли Скороходовой всё-таки удалось восстановить речь! При помощи специальной методики с использованием тактильного алфавита и брайлевского шрифта было организовано систематическое обучение всем предметам школьного курса.

А любимой у Оли – была литература. Особенно ей нравился Горький. В 1932 году, когда отмечалось 40-летие его литературной деятельности, девушка, набравшись храбрости, послала первому пролетарскому писателю поздравительное письмо.

Долгожданный ответ пришёл нескоро: корреспондентов у юбиляра было немало. Но пришёл. Оля написала ещё раз, и ещё, и Алексей Максимович находил для неё время.

Письма Горького поддерживали Олю, помогали ей жить.

Ведь испытаний, которые выпавших её долю этой малышки, хватило бы на нескольких человек. Вот только одно из них.

Оля много лет ничего не знала о судьбе своего отца Ивана Скороходова – где он, что с ним?

Но в 1933 году встреча состоялась. Нет слов, чтобы передать волнение, охватившее девушку. Как отнесётся он к ней – такой? Была ещё одна причина для волнений: у отца давно другая семья, есть и другая дочь...

И всё же завязалась переписка.

Вскоре она стала получать письма и от новой жены отца, которая оказалась простой и добросердечной женщиной. Оля никому не хотела быть обузой, она старалась убедить, что не испытывает ни малейшего желания поселиться у них, уверяла, что она не абсолютный инвалид, что найдёт своё место в жизни, а от них ждёт только хорошего отношения к себе – их человеческой любви и дружбы.

Удивительным человеком была Ольга Скороходова. С ней можно было часами говорить о литературе, об искусстве... Начитанность поражала! Русская и зарубежная литература – для неё родной дом, в котором всё-всё знакомо и дорого.

И ещё она не только любила и знала поэзию, но и сама с юных лет сочиняла стихи.

Горький считал, что Ольга обладала настоящим поэтическим даром. Вот, к примеру, только одно четверостишие. Стихотворение «Весна»:

*Молодая весна – многозвучий полна –
Прилетела из дальнего края.
Зашумели леса, заблестела гроза,
Пробужденье природы встречая...*

А если Ольга рассказывала, к примеру, о скульптуре, то казалось, что оживают тончайшие линии изваяния, каждая бороздка, проведённая резцом мастера. Её негромкий голос звучал мягко и мелодично, живо передавая оттенки чувств и мыслей. Трудно было поверить, что эта девушка, обладающая широкими познаниями, разносторонними интересами и огромной внутренней культурой, с восьми лет лишена зрения и слуха...

Как самая старшая воспитанница в школе, Ольга даже руководила некоторыми играми и занятиями младших детей. Особой её заботой была с 1935 года маленькая слепоглохая девочка Маша Сокол.

Ольга Ивановна Скороходова получила среднее образование, вступила в ряды ВЛКСМ. Её литературные способности окрепли: она пишет заметки, статьи, очерки, стихи...

И по рекомендациям профессора Соколянского Ольга постоянно ведёт записи своего восприятия мира. Как же пригодились ей эти записи впоследствии!

Она готовилась к поступлению в Литературный институт.

Но... радужным планам не суждено было свершиться.

Наступил чёрный 41-й.
Харьков оккупировали фашисты.
Восемь воспитанников было в школе Соколянского. Шестерых гитлеровцы убили. Лишь двое каким-то чудом спаслись.
Одной из уцелевших была Оля.

Выработка стратегии и тактики общения с людьми – это настоящее искусство.
«Да, мне бывает нелегко, когда приходится смешивать кипяток сердечных струй с холодной водой», - записано в дневнике.

Самообладание и душевная энергия этой девушки были, казалось, неисчерпаемы. Отчасти этими качествами её наградила природа. Но кроме того, силы для борьбы она черпала в понимании значимости своего труда и его необходимости для людей с похожей – на её – судьбой.

Сразу после освобождения Харькова в 43-м её нашли родители Марии Сокол, с просьбой продолжить обучение дочки. Юная учительница согласилась, и им удалось начать восстановление забытого к этому времени чтения и письма по Брайлю.

А через год Ольга уехала в Москву, к своему любимому учителю Ивану Афанасьевичу и не расставалась с ним уже до самой его смерти.

Конечно, не всё было гладко.

Ольга – молодая женщина.

Со всеми – присущими молодой женщине – капризами, страстями, желаниями, требованиями и мечтаниями.

А тут – такая болезнь...

Известно, что потеря зрения и слуха делает судьбу людей особенно тяжёлой, потому что появляется ощущение личной катастрофы. Острейшее переживание несчастья способно породить желание уйти из жизни.

Не избежала этого и Оля Скороходова: когда ей было 18 лет, она хотела отравиться...

И даже отношения с её обожаемым Соколянским были не всегда безоблачными.

В предисловии к изданию одной из книг Скороходовой, написанном в 1990 году кандидатом психологических наук В. Н. Чулковым (под руководством которого Ольга Ивановна работала в последние годы жизни) мы находим свидетельства её тяжелых личностных переживаний, преодоление неверия в себя.

Есть здесь упоминание и о сложных, постоянно меняющихся в течение жизни отношениях её с Соколянским: *«По натуре своей она была живым, открыто самолюбивым и не рассудочным человеком. Наивный расчёт сочетался с интуицией, женская надежда, слабость и каприз жили рядом с детским безрассудочным эгоизмом. Победы малые и большие давались ей нелегко, а горький вкус поражений был ей также хорошо знаком...»*

«Как я воспринимаю окружающий мир». Книга Ольги Ивановны Скороходовой. Опубликовано в 1947 году.

Эта вещь была с огромным интересом встречена научной общественностью и широкими массами читателей.

Известный советский психолог Алексей Николаевич Леонтьев писал в своей рецензии: *«Мы находим в ней (в книге) двойное содержание.*

Это, во-первых, то, что характеризует её автора как человека, как личность. Полное прекрасное развитие ума и чувств Ольги Скороходовой, совершенное владение ею не только письменным языком и дактилологией, но и устной звуковой речью (что позволяет ей даже выступать на собраниях) производит впечатление явления исключительного, которое воспринимается как результат редчайшей одарённости, как нечто феноменальное, что на первый взгляд кажется всё-таки загадкой.

Во-вторых, это психологические данные, приводимые автором в её «Самонаблюдениях» и в некоторых её статьях, вошедших в книгу. Нужно сказать, что и эти данные отнюдь не уменьшают общего впечатления исключительности и научной загадочности процесса духовного развития в условиях слепоглухонемоты».

Леонтьев обращал особое внимание на удивительную тонкость описаний автором различных видов своей чувствительности – осязания, обоняния, вибрационного чувства, температурных и вкусовых ощущений, которые заменяли ей слух и зрение.

Через год Ольга Ивановна становится научным сотрудником (позднее старшим научным сотрудником) НИИ дефектологии АПН СССР (ныне – Институт коррекционной педагогики РАО).

Имя и труды этой женщины – единственного в мире слепоглохого научного работника(!) – приобретают всё большую известность. В 1954 году выходит в свет её новая книга «Как я воспринимаю и представляю окружающий мир».

Новый, дополненный вариант этого издания «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир» вышел в 1972 году уже с предисловием заведующего лабораторией обучения и воспитания слепоглохих детей НИИ дефектологии доктора психологии Александра Ивановича Мещерякова.

Он подробно описывает биографию Соколянского, и излагает своё понимание системы обучения слепоглохих, наибольшее внимание уделив первоначальному периоду их обучения.

В конце этого текста Мещеряков возвращается к характеристике автора книги и пишет: *«Велика, конечно, заслуга учителя О. И. Скороходовой Ивана Афанасьевича Соколянского, но величие его заслуги ни в какой мере не умаляет подвига О. И. Скороходовой. Она работает, она наравне со всеми другими сотрудниками пишет научные работы, отчитывается о них... И мы как-то забываем о том, что вся жизнь Ольги Ивановны – это подвиг. Подвиг, который она совершает каждый день в течение многих лет».*

В 1961 году Ольга Ивановна (уже после смерти своего учителя) блестяще защищает кандидатскую диссертацию и ей присваивается учёная степень кандидата педагогических наук.

Скороходова всегда была в курсе школьной и студенческой жизни страны; принимала участие в работе научных конференций, как в СССР, так и за рубежом; вела обширнейшую переписку.

Очень интересовался её психологическими экспериментами академик Иван Петрович Павлов.

В архиве этой женщины – конверты с обратными адресами не только Максима Горького – ей писали Микола Бажан, Самуил Маршак, Максим Рыльский, Пабло Тычина.

И постоянно к ней обращались за помощью учителя и многочисленные читатели со всего света.

Педагогика приносила ей радость.

И вот в 1972 году выходит из печати большой труд «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир», собравший воедино все её книги, статьи и стихи разных лет. Он был признан крупным вкладом в отечественную психологическую и педагогическую науку.

Книга Скороходовой была отмечена премией Константина Ушинского.

Скоро этот труд стал широко известен во многих странах. В мировой литературе эта монография – единственное произведение, в котором автор, лишённый зрения и слуха, не только описывает свои психологические функции на разных стадиях онтогенеза, но и глубоко их анализирует. Этот научно-исследовательский труд написан в оригинальной форме – автобиографические материалы, дневниковые записи, воспоминания, стихи...

Ольга Ивановна помогала попавшим в беду людям не только своими научными трудами, но и практической деятельностью. Она, к примеру, во многом содействовала открытию в подмосковном Загорске (ныне – Сергиев Посад) школы-интерната для слепоглохонемых детей.

Долгие годы работала над второй своей книгой «Мои наблюдения над слепоглухонемыми». Этот труд остался неопубликованным.

В 1974 году «За большие заслуги в области специальной педагогики и многолетнюю плодотворную деятельность по обучению и воспитанию детей с нарушением слуха и зрения» она была удостоена Ордена Трудового Красного Знамени.

Ольга Скороходова до конца своей жизни работала научным сотрудником в Лаборатории обучения и воспитания слепоглухих Института дефектологии в Москве. Часто выступала с лекциями перед студентами многих вузов своей страны.

И многие годы жила одна. В быту и в работе ей помогали приходящие секретари и сослуживцы. Позднее к ней переехала племянница.

Ольга Ивановна умерла в 1982 году. Её книги помогают людям не падать духом, в них – та самая «наука побеждать».

Всё, написанное этой женщиной, даёт нам возможность понять «удивительный внутренний мир человека, потерявшего зрение и слух, но сохранившего огромный интерес и радость бытия».

Её называли русской Еленой Келлер.

Была ли эта женщина счастлива в жизни?

Может быть, найти ответ на этот непростой вопрос нам поможет строфа из её стихотворения «Письмо»:

*Я прошла сквозь мрак и бури,
Я пути искала к свету, –
К жизни творческой, богатой...
И нашла!
Запомни это!*

*

11 июня исполняется 185-летие со дня открытия Московской офтальмологической клинической больницы.

*В. А. Казьмина,
заведующая отделом обслуживания*

СТАРЕЙШАЯ В МИРЕ

Московская офтальмологическая клиническая больница является старейшей глазной клиникой в мире.

Её история насчитывает 185 лет.

26 января 1826 года генерал-губернатор города Москвы князь Дмитрий Владимирович Голицын поддержал пожелания общественных деятелей о необходимости создания в Москве специализированной глазной больницы.

Цели, которые поставил комитет, князь охарактеризовал кратко: *«В общепользующее сие заведение предположено принимать больных всякого возраста, пола и звания, преимущественно неимущих, безо всякой платы за содержание и пользование».*

Задумана была больница – для оказания амбулаторной и стационарной глазной помощи прежде всего нуждающимся, неимущим людям, а создана – на пожертвования горожан.

Князь Голицын организовал и возглавил комитет по сбору пожертвований.

Открыла свои двери глазная лечебница 11 июля 1826 года в доме Ланге у Никитских ворот.

В своём составе имела она 20 коек и комнату для приёма больных. Пропускная способность амбулатории – 30 больных в день.

Первым главным врачом был Пётр Фёдорович Броссе. Он проработал в этой должности 31 год, оставляя в пользу больницы всё своё жалование.

Пётр Фёдорович произвёл в течение 28 лет (с 1826 по 54-й год) *«более 2000 операций катаракты и 300 искусственных зениц».*

Персонал вёл учебные занятия со студентами-медиками.

8 мая 1830 года – опять же на пожертвования горожан – у графини Дмитриевой-Мамоновой был куплен каменный дом с мебелью и надворными постройками (угол Тверской и Мамоновского переулков, № 7), и 15 ноября 1830 года глазная больница разместилась в этом здании, где и располагается до сих пор.

В 1845 году в здании глазной больницы была устроена домовая церковь Христа Спасителя, освятил её сам митрополит Московский Филарет.

Во время I Мировой войны в этом доме по инициативе главного врача Сергея Головина устроили лазарет для раненых с глазными повреждениями. И сам Головин, и другие врачи работали в лазарете бесплатно, одновременно продолжая преподавательскую работу со студентами.

Перед Великой Отечественной войной (в связи с масштабной реконструкцией Тверской улицы) здание больницы передвинули на нынешнее место – в Мамоновский переулок.

В годы Великой Отечественной войны в стационаре был развёрнут глазной эвакуационный госпиталь, где прошли лечение более 9 тысяч раненых, из которых около 90% возвратились в строй.

В это время здесь произвели 10398 операций!

С первых лет существования в Московской глазной больнице велась непрерывающаяся напряжённая работа по оказанию специализированной офтальмологической помощи населению столицы.

После Петра Фёдоровича Броссе пост главного врача занял его брат Владимир (1857-1864).

В разное же время больницу возглавляли многие талантливые офтальмологи: доктор медицинских наук С. Н. Лажечников А. Е.; профессора Г. И. Браун, С. С. Головин, Н. Н. Дислер, М. Л. Краснов; заслуженные врачи РФ РФ В. М. Житенёв, Б. М. Лапук, И. А. Любченко, В. М. Наджаров, В. В. Перламутрова, Е. Б. Рабкин, Б. И. Эйдельман.

В больнице работали известные профессора В. П. Одинцов, А. Н. Маклаков, В. П. Страхов.

Также Московская офтальмологическая может гордиться именами академиков М. И. Авербаха и В. П. Филатова.

В этих стенах закончили клиническую ординатуру многие глазные хирурги, ставшие впоследствии известными учёными: А. Ф. Бровкина, Р. А. Гундорова, Е. С. Либман, З. И. Мороз, В. И. Морозов, Н. К. Серова, и другие.

По мере развития офтальмологии силами сотрудников больницы были созданы и начали функционировать специализированные и диагностические службы.

Патоморфологическую лабораторию возглавила кандидат медицинских наук В. М. Шепкалова. Сотрудники лаборатории – О. Н. Дислер и А. А. Харасанян-Тадэ помогли ей в создании атласа «Внутриглазные опухоли», ставшего академическим изданием.

В послевоенные годы по инициативе профессора Н. А. Вишневого появился кабинет функциональной диагностики; физиотерапевтическое отделение, зав. Э. И. Шапиро; кабинет сложной рефракции и косоглазия, зав. С. И. Аккерман; кабинет глазного протезирования, зав. В. Н. Ванекс.

В конце 50-х годов Московская больница открыла первый в стране офтальмоонкологический кабинет с радиоизотопной лабораторией под руководством Г. Г. Зиангировой и Н. Г. Пережогинной; первый специализированный кабинет по диагностике и лечению туберкулёза глаза, зав. Н. С. Гонтуар; первый городской центр контактной коррекции зрения, зав. Л. М. Тюханов.

С 1958 года больница утверждена как организационно-методический, лечебно-диагностический и консультативный центр.

Одной из первых в стране в глазной больнице был освоен и внедрён в практику метод ксеоновой коагуляции – создатели Е. С. Либман и В. В. Перламутрова.

На базе разработанных методик работает городской центр лазерной хирургии, где трудятся кандидаты медицинских наук С. И. Курченко, А. М. Пластилина и Л. Г. Эстрин; а в 1973 году организовано самое крупное в городе отделение глазной неотложной помощи – разработчики кандидаты медицинских наук Г. С. Зайцева и Л. В. Шиф.

Сегодня Московская офтальмологическая клиническая больница – мощный специализированный центр, в составе которого имеется консультативно-диагностическая поликлиника на 500 посещений в смену, стационар на 240 коек и лаборатория контактной коррекции.

Офтальмологическая клиническая больница всегда являлась не только лечебным учреждением, но и научно-педагогической и лечебной базой Российской медицинской академии последипломного образования и курса глазных болезней Российского государственного медицинского университета.

На базе больницы ежегодно проходят обучение десятки городских и клинических ординаторов, очных и заочных аспирантов.

Почти 30 лет возглавлял кафедру глазных болезней профессор М. Л. Краснов – ученик М. И. Авербаха.

Прекрасный клиницист, он много сделал для становления больницы как лечебно-консультативного центра Москвы. Совместно с ним работали профессора Д. И. Березинская и С. И. Тальковский.

Постоянное деловое взаимодействие с кафедрами офтальмологии способствовало становлению научного подхода врачей больницы к своей лечебной деятельности, научному обобщению практических результатов работы, изданию значительного количества учебно-методических пособий, защите научных диссертаций.

В настоящее время в больнице трудятся, не считая профессорско-преподавательского состава кафедр, два доктора медицинских наук – Е. Е. Гришина, А. Ю. Слонимский; два заслуженных врача РФ – Т. М. Александрова и В. В. Перламутрова.

Сегодня здесь шестнадцать кандидатов медицинских наук – И. Ф. Борисенко, Н. Я. Борисова, Н. Е. Вандич, Л. А. Василевич, И. В. Воробьева, И. В. Гудова, М. Е. Зыбин, С. А. Игнатъев, С. И.

Курченко, М. Ю. Лернер, С. Ю. Нечеснюк, А. Н. Петроченков, Н. Г. Овчарова, А. М. Пластинина, Е. П. Садовская, А. В. Самойленко.

72 врача имеют высшую квалификационную категорию.

*

14 июля исполняется 145 лет со дня рождения выдающего русского офтальмолога Сергея Головина.

*Л. А. Федюнина,
заведующая отделом
внестационарного обслуживания*

АВТОР «КЛИНИЧЕСКОЙ ОФТАЛЬМОЛОГИИ»

*Офтальмология —
бесконечный горизонт с мириадами вопросов,
проблем, различных способов их разрешения.*

Сергей Головин

Будущий знаменитый профессор Сергей Селиванович Головин родился 14 июля 1866 года в городе Болхове Орловской губернии.

По окончании гимназии Серёжа поступил на медицинский факультет Московского университета. На последнем курсе он серьёзно увлёкся офтальмологией и начал посещать лекции знаменитого профессора Густава Ивановича Брауна в Московской глазной больнице.

По окончании университета молодой врач Сергей Головин, увлечённый идеей служения народу, некоторое время работал земским лекарем в Серпуховском уезде Московской губернии, где впервые обратил внимание на никуда не годную организацию офтальмологической помощи населению.

С этой же проблемой он столкнулся в Кутаиси, где позднее недолго работал глазным врачом.

В 1892 году в Москве при университете открылась новая глазная клиника на Девичьем поле и директор её, профессор Маклаков, предложил Головину место ординатора.

Сергею Селивановичу посчастливилось в начале своей врачебной и научной карьеры поработать под руководством выдающихся русских учёных: Алексея Николаевича Маклакова, Адриана Александровича Крюкова, Фёдора Орестовича Евецкого.

Через три года Сергей Головин защитил (на соискание учёной степени доктора медицины) диссертацию «Офтальмотонометрические исследования», где были представлены успехи науки в изучении глаукомы – начиная с первых работ Альбрехта фон Грефе и заканчивая изобретением Маклаковым офтальмотонометра

В своём исследовании он подчёркивал приоритет русской научной школы в изобретении прибора для измерения внутриглазного давления.

Тонометр Маклакова, основанный на принципе сплющивания (аппланации) роговицы, позволял достаточно легко и точно – без повреждения глаза – измерить внутриглазное давление.

В этой диссертации молодой учёный предложил собственные таблицы перевода показаний тонометра в миллиметры ртутного столба.

Им установлены границы ошибки показаний. Автором проведены уникальные исследования о влиянии на здоровый и больной (глаукоматозный) глаз таких препаратов, как атропин, кокаин, пилокарпин, эзерин.

Исследователь пришёл к выводу, что в здоровых глазах алкалоиды вызывают лишь очень незначительный сдвиг внутриглазного давления (ВГД). Однако в глаукоматозных глазах эти препараты вызывают значительные колебания давления (как в сторону повышения, так и, наоборот, понижения), что указывает на неустойчивость глазного давления у больных глаукомой. Головин обратил внимание на сосудистую природу возникновения глаукомы. Дальнейшие собственные исследования позволили ему убедиться в правильности сосудистой версии.

В этот период Сергей Селиванович несколько раз ездил за границу для знакомства с передовым офтальмологическим опытом лучших европейских клиник. Всё увиденное и услышанное очень помогало ему в организации глазных учреждений в России.

В это же время – до 17-го года – Головин являлся редактором и издателем журнала «Вестник офтальмологии», который стал при нём не только центральным офтальмологическим изданием, но и трибуной передовой общественной мысли.

На страницах журнала профессор делился своими впечатлениями о происходящих в стране событиях – войне, Февральской революции.

В начале XX века редактор жил и работал в Одессе как профессор кафедры офтальмологии Новороссийского университета. Здесь он создал глазную клинику, признанную впоследствии одной из лучших в стране.

В Одессу же переместилась и редакция «Вестника офтальмологии»

В этом же курортном городе издана книга Головина «О слепоте в России», посвящённая вопросам статистики и этиологии слепоты. Автор привёл ужасающие цифры количества слепых в стране – более 300 тысяч человек. Книга явилась обвинительным актом, свидетельством тяжёлых социальных условий и культурной отсталости России.

И здесь же Сергей Головин стал во главе созданного в те годы Одесского офтальмологического кружка, преобразованного затем в Общество.

С 1911 года Сергей Селиванович Головин – профессор кафедры офтальмологии Московского университета и одновременно главный врач Московской глазной больницы.

И «Вестник...» с того времени снова стал издаваться в столице.

Но в марте 17-го Сергей Селиванович с должности профессора Московского университета уволен, а затем – и с должности главного врача Московской глазной больницы.

После революции у профессора осталась лишь частная практика на дому.

И в сентябрьском номере Головин обратился к читателям с «Прощальным словом» – он сам закрыл свой любимый журнал.

За 33 года издания «Вестника офтальмологии» было опубликовано свыше 1500 научных статей, более 300 рефератов, около 200 отчётов различных офтальмологических обществ, много другой интересной информации. Рубрика – «Офтальмологическая хроника» – являлась уникальным материалом по истории русской и мировой офтальмологии.

Но со временем большевики вспомнили о Головине.

С июня 1919 года – следующее пятилетие лет он – профессор Высшей медицинской школы, которая открылась на базе глазного отделения Московского коммунистического военного госпиталя (ныне – Главный военный клинический госпиталь имени академика Н. Н. Бурденко).

Сергей Головин возглавил кафедру глазных болезней Высшей медицинской школы и подготовил большое число опытных специалистов среди врачей госпиталя. Верной помощницей и ассистенткой была его старшая дочь – Антонина.

Работая здесь, профессор усовершенствовал предложенную им операцию на слёзных путях. Тогда же (при помощи ассистента кафедры Д. А. Сивцева) были созданы Таблицы для исследования остроты зрения.

Вскоре Сергея Селивановича назначают «сверхштатским» профессором и директором глазной клиники I Государственного Московского университета.

В 1923 году он издаёт капитальный труд – «Клиническую офтальмологию» (в 3 частях).

И по сей день работа эта является настольной книгой не одного поколения глазных врачей – как у нас в стране, так и за рубежом.

Намечалось много научных планов, но здоровье профессора Головина было подорвано. Признаки сердечной недостаточности давали о себе знать ещё с июня 1918 года.

Довелось учёному хлебнуть и прелестей «красного террора».

Только благодаря защите московской научной общественности и заслуженной мировой славе удалось ему избежать расстрела!

Весной 1924 года Сергей Селиванович попал на Лубянку.

А в ноябре арестовали 14 литераторов, художников и врачей. Обвинение – «...с августа 1924 г. они, создав организацию, поставили своей целью путём террора и диверсий свергнуть советскую власть».

Это тот самый «Орден русских фашистов», по делу которого проходил друг Есенина Алексей Ганин, и сам Сергей Есенин.

Все арестованные действительно были в дружеских отношениях, встречаясь, говорили о политической ситуации в стране и мире, осуждали действия большевиков, но никаких конкретных контрреволюционных действий они не совершали.

Обыкновенная дружеская компания была представлена чекистами как политическая организация. Делом «Ордена...» занимался сам начальник следственного отдела ОГПУ Яков Агранов.

Итогом работы стало объёмистое обвинительное заключение, в котором, в частности, указывалось, что «в то время, когда организация вырабатывала план действия, в Москве происходил V Конгресс Коминтерна, и члены организации решили взорвать здание Коминтерна в момент происходящего заседания».

Поэта Есенина тогда, по счастью, опекал всесильный Троцкий.

А офтальмолога Головина обвинили в «черносотенных настроениях» и близких связях с царской семьёй – до революции он лечил великую княгиню Елизавету Фёдоровну.

27 марта 1925 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ решило: четверых (в том числе, Ганина) – расстрелять. Троице подсудимым чекисты определили десятилетний срок заключения...

Офтальмолог Головин был освобождён.

Судьба остальных, к сожалению, до сих пор неизвестна.

Бесследно это всё не прошло, Сергей Селиванович долго болел.

28 апреля 1931 года профессор Головин скончался от сильного сердечного приступа.

Как учёный Сергей Головин оставил богатое наследство – 105 научных работ, которые отличает простота изложения в сочетании с глубоко научным содержанием. Труды его не утратили своего значения для науки и сегодня, в начале века XXI.

Одной из научных проблем офтальмологии, которая волновала его на протяжении всей жизни, была глаукома. Головин первым определил особенности этого недуга и стадии его лечения.

Сергей Селиванович провёл массу экспериментов по исследованию глаукомы у человека и у животных.

С большим сочувствием относясь к своим пациентам, Головин писал: «...абсолютно глаукоматозный глаз, столь мало нами ценимый, должен быть, по возможности, сохраняем для больного».

Сергей Селиванович Головин был учёным, чрезвычайно преданным науке офтальмологии.

Ещё в свою студенческую пору он в корне не соглашался с некоторыми коллегами, считавшими, что глаз – небольшой орган, поэтому и изучить его достаточно просто.

Профессор говорил: «Офтальмология – бесконечный горизонт с мириадами вопросов, проблем, различных способов их разрешения».

*

31 августа научный мир планеты будет отмечать 190-летие со дня рождения выдающегося немецкого физиолога Германа Гельмгольца и 75-летие со дня основания Московского института его имени.

*Е. Е. Невидимова,
ведущий методист*

СОЗДАТЕЛЬ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ОПТИКИ

*Гельмголец дорог нам не только
как гениальный учёный, –
он в то же время самый заслуженный
из современных насадителей науки (вообще)
и (в частности) в нашем Отечестве.*

Профессор Александр Столетов

Герман Гельмголец – один из величайших учёных XIX века, иностранный член-корреспондент Петербургской АН.

Автор фундаментальных трудов по физике, биофизике, физиологии, психологии.

Впервые математически обосновал закон сохранения энергии, показав его всеобщий характер.

Разработал термодинамическую теорию химических процессов, ввёл понятия свободной и связанной энергий.

Заложил основы теорий вихревого движения жидкости и аномальной дисперсии.

Обнаружил и измерил теплообразование в мышцах, изучил процесс сокращения мышц, измерил скорость распространения нервного импульса.

Единственно, что удивляет, так это – почему не Нобелевский лауреат?

Физика, физиология, анатомия, психология, математика...

В каждой из этих наук он сделал блестящие открытия, обеспечившие ему непреходящую мировую славу.

Перечень только всех его научных работ занимает три листа формата А 4!

Поэтому в небольшом сборнике мы остановимся, в основном, лишь на его отношении к офтальмологии – Герман Гельмголец – автор основополагающих трудов по физиологии слуха и зрения.

Герман Людвиг Фердинанд Гельмгольц родился 31 августа 1821 года в семье потсдамского учителя гимназии. По желанию отца в 1838 году поступил в военно-медицинский институт Фридриха-Вильгельма для изучения медицины.

Под влиянием знаменитого физиолога Иоганна Мюллера, Герман посвятил себя изучению физиологии, и его докторская диссертация посвящена строению нервной системы.

В этой работе 22-летний врач впервые доказал существование целостного структурного элемента нервной ткани, позднее названного «нейрон».

После защиты его сразу же приглашают ординатором в берлинскую больницу.

А через год начался служебный путь Германа Гельмгольца в качестве потсдамского военного врача.

Жил он в казарме и вставал в пять часов утра по сигналу кавалерийской трубы. Но эскадронный хирург гусарского полка находил время и для занятий наукой.

В 1845 году он прощается с военной службой и снова едет в столицу для подготовки к государственным экзаменам на повышение должности.

Герман усердно занимается в домашней лаборатории известного немецкого естествоиспытателя Густава Магнуса. И впоследствии – станет преемником Магнуса, перенесёт лабораторию в здание Берлинского университета и превратит в мировой научный центр.

Вскоре – по рекомендации Иоганна Мюллера – Гельмгольца приглашают профессором физиологии в Кёнигсберг (ныне – Калининград).

Этот город оказался судьбоносным – избранницу молодого профессора звали Ольга фон Фельтен.

Это – во-первых.

А во-вторых, именно здесь впервые раскрылся его талант – не только глубокого мыслителя, но и гениального экспериментатора.

(Наверное, этот небольшой городок как-то особенно располагал к творчеству – на память приходят имена известных кёнигсбергцев – Рихарда Вагнера, Эрнеста Теодора Амадея Гофмана, Иммануила Канта, Иеронима фон Мюнхгаузена...)

В Кёнигсберге появляется ряд исследований Гельмгольца о скорости распространения возбуждения в нервах.

Первый период деятельности заключал в себе работы, тесно связанные с законом сохранения энергии. В конце 40-х годов появляются его статьи о тепловых явлениях при мускульном сокращении, являющиеся непосредственным следствием приложения принципа сохранения энергии к физиологии.

В этом же городе Гельмгольц начал свои систематические исследования об аккомодации глаза. Здесь были заложены основы для его работ по акустике.

Герману удалось осуществить построение своеобразного глазного зеркала, позволяющего видеть у живого человека дно глаза и играющего в настоящее время огромную роль при диагностике не только офтальмологии, но и различных нервных заболеваний.

Глаз – один из замечательнейших органов нашего тела. О его работе знали и раньше, сравнивали с работой фотографического аппарата.

Но для полного выяснения даже только физической стороны зрения мало грубого сравнения с фотокамерой. Нужно решить ряд сложных задач из области не только физики, но и физиологии, и даже психологии.

Продельвать опыты приходилось на живом глазу – это было очень сложно – а, в большинстве случаев, и невозможно.

Решение нашёл Герман Гельмгольц.

Он построил особый, как говорили, *«изумительный по своей простоте»* аппарат – офтальмометр. Или, как называют его сегодня, офтальмоскоп.

Сообщение о своём инструменте учёный опубликовал в 1851 году. Так что у офтальмоскопа тоже юбилей – этому приборчику в 2011 году исполняется 160 лет.

У глазного врача появилась возможность увидеть внутренние оболочки глаза.

Фактически именно после этого офтальмология выделилась в самостоятельную специальность.

Ранее, как говорил Сергей Головин: *«слишком часто было, как для больного, так и для врача, одинаково темно перед глазами»*, поэтому в большинстве случаев, когда причина глазного заболевания не была ясна, ставился диагноз: или амблиопия (слабое зрение), или амавроз (слепота).

Офтальмоскопирование глазного дна открыло новую область – болезни заднего сегмента глаза.

Теперь можно было измерять кривизну роговой оболочки задней и передней поверхности хрусталика.

Так было изучено преломление лучей в глазу.

Офтальмоскоп давно уже стал обязательным снаряжением каждого врача-глазника.

В Кёнигсберге же Гельмгольц начал интересоваться общими вопросами о воздействиях окружающего мира и реакцией организма; наряду с имеющей философское значение работой о природе ощущений у человека, он предпринял глубокое физическое изучение глаза.

Проблемы эти завели его далеко за пределы физиологии, и в ряде блестящих работ он создал теорию ощущения сложных цветов, заложенную впервые работами великого врача-физика Томаса Юнга.

Мы видим предметы окрашенными в тот или иной цвет, наше зрение цветное. Что лежит в его основе?

Изучение глаза показало, что сетчатка имеет три основных светоощущающих элемента: один из них сильнее всего раздражается красными лучами, другой – зелёными, третий – синими. Любой цвет вызывает более сильное раздражение одного из элементов и более слабое остальных.

Комбинации раздражений и создают всю ту игру цветов, которую мы видим вокруг себя.

В 1845 году талантливая молодёжь из окружения Магнуса и Мюллера образовала Берлинское физическое общество. В него вошёл и Гельмгольц. Слово «Берлинское» вскоре заменили на «Немецкое» – общество стремительно разрасталось, стало издавать реферативный журнал «Успехи физики».

Уже в первом выпуске «Успехов...» был напечатаны материалы Гельмгольца по теории физиологических тепловых явлений.

А 23 июля 1847 года он сделал на заседании Берлинского физического общества доклад «О сохранении силы».

«Явления природы, - утверждал молодой учёный, - должны быть сведены к движениям материи с неизменными движущими силами, которые зависят только от пространственных взаимоотношений».

Таким образом, мир, по Гельмгольцу, – это совокупность материальных точек, взаимодействующих друг с другом и с центральными силами. Силы эти консервативны, и Гельмгольц во главу своего исследования ставит принцип сохранения живой силы.

В своём сочинении учёный уделяет главное внимание физике и лишь очень бегло и сжато говорит о биологических явлениях. Тем не менее, именно это сочинение открыло Гельмгольцу дорогу к кафедре физиологии и общей патологии медицинского факультета Кёнигсбергского университета, где он в 1849 году получил должность экстраординарного профессора.

В 1855 году его пригласили профессором анатомии и физиологии в Бонн.

А в 1858 году Гельмгольц становится профессором физиологии в Гейдельберге, где продолжает много и успешно заниматься проблемами зрения.

Итогом этих исследований явилась знаменитая «Физиологическая оптика», над которой он работал 12 лет.

Не меньше этот необыкновенный человек сделал и для изучения слуха и уха. В 1863 году вышла его книга «Учение о звуковых ощущениях как физиологическая основа акустики».

И здесь до исследований Гельмгольца многое, связанное со слухом, было изучено очень слабо. Знали, как возникает и распространяется звук, но очень мало было известно о тех воздействиях, которые оказывают звуки на способные колебаться предметы.

Герман Гельмгольц раньше всех занялся этим сложным явлением.

Создав теорию резонанса, он разработал затем на её основе учение о слуховых ощущениях, о нашем голосе, о музыкальных инструментах. Изучая явления колебаний, Гельмгольц разрешил и ряд вопросов, имеющих огромное значение для теории музыки, дал анализ причин музыкальной гармонии.

Все эти его идеи нашли применение в разработках различных методик для слепоглухих.

Герман Гельмгольц не просто шёл в ногу со своим временем – он постоянно это время опережал.

Там же, в Гейдельберге, вышли его классические работы по гидродинамике и основаниям геометрии.

С марта 1871 года Гельмгольц становится профессором Берлинского университета. Он создаёт Физический институт, в который приезжали работать физики всего мира.

У этого человека всегда было много учеников; его лекции слушали тысячи студентов. Поработать в его лаборатории, поучиться искусству эксперимента считали за честь многие молодые учёные.

Он никогда не был корыстным, не отказывал в помощи.

Частенько такая помощь выливалась в откровенный плагиат.

Но Герман Гельмгольц считал главным – результат и не опускался до мелочных разборок. Он говорил:

«Учителю постоянно приходится отдавать другим и главную идею работы, и множество советов, как преодолеть новые экспериментальные препятствия, – советов, требующих большей или меньшей изобретательности. Всё это переходит в работу ученика, и под конец, если работа удалась, публикуется от его имени. Кто потом разберёт, что внёс один, что собственность другого?..»

С переездом в Берлин учёный посвящает себя исключительно физике, причём изучает её наиболее сложные области. В 1882 году Гельмгольц формулирует теорию свободной энергии, в которой решает вопрос о том, какая часть полной молекулярной энергии некой системы может превратиться в работу.

В 1883 году император Вильгельм жалует Герману Людвигу Фердинанду Гельмгольцу дворянское звание.

И через год дворянин Гельмгольц публикует теорию аномальной дисперсии, а позднее – несколько важных работ по теоретической механике.

В 1888 году открывается Физико-технический институт в Шарлоттенбурге – Центр немецкой метрологии. В организации этого учреждения Гельмгольц принимал самое активное участие, и неудивительно, что должность директора института была предложена именно ему.

Одновременно учёный продолжает читать лекции по теоретической физике в университете.

Он никогда, собственно, не покидал свой рабочий стол, открыто радуясь результатам экспериментов сам и радуя ими весь научный мир.

К сожалению, не только радостные события ждали Гельмгольца в старости.

Его сын Роберт – подававший большие надежды молодой физик – безвременно ушёл из жизни в 1889 году, оставив нам работу о лучевой энергии горящих газов.

Земной путь немецкого гения окончился 8 сентября 1894 года.

Вот так, уважаемый Читатель, на примере жизни этого замечательного человека мы продемонстрировали, какое огромное значение имеет широта кругозора учёного, богатство и разнообразие его знаний и интересов.

Подводя итоги – обширной по содержанию и глубокой по значению – жизни гениального учёного, обычно отмечают моменты, делающие деятельность Гельмгольца особенно близкой нам, россиянам.

Он явился главой многочисленной школы выдающихся учеников, среди которых немало профессоров с мировым именем.

«Многие десятки натуралистов и врачей, получивших известность своей общественной деятельностью и учёными трудами, обязаны своим специальным образованием Гельмгольцу.

Значение его в качестве международного учителя, думаю, ни для одной страны (кроме родной ему Германии) не было так велико, как для России. Долгие годы, руководя лабораториями, сперва как физиолог, потом как физик, Гельмгольц, производил неотразимое влияние своей могучей личностью на молодых людей, отовсюду стекавшихся к нему на выучку», - так отзывался об этом человеке академик Александр Столетов.

Впоследствии его имя присвоят одной из московских больниц.

Сегодня она известна под названием Московский научно-исследовательский и клинический институт (МНИИ) глазных болезней имени Германа Гельмгольца.

Это старейший в России офтальмологический многопрофильный исследовательский центр, определивший становление и развитие отечественной офтальмологии.

В основе создания специализированного офтальмологического учреждения лежала благородная идея построить в Москве больницу для бедных. Идея и инициатива открытия больницы принадлежала главному врачу Константину Львовичу Адельгейму.

Строительство больницы велось на средства известной московской благотворительницы Варвары Андреевны Алексеевой в память императора Александра III.

Варвара Андреевна – из тех самых многопрофильных купцов Алексеевых, из рода которых вышел Константин Сергеевич. Сценический псевдоним – Станиславский.

17 ноября 1900 года Алексеевская больница была передана Общественному городскому управлению Москвы и с этого дня начала свою деятельность.

Это было первое муниципальное учреждение такого рода в столице.

«Алексеевка» снискала большую популярность у населения – здесь всех нуждающихся бесплатно лечили, здесь бесплатно выдавались лекарства, и здесь бесплатно оказывалась экстренная помощь.

Первоначально больница состояла всего из 3-х зданий – главного больничного корпуса (ныне корпус первого института), жилого дома для служащих и корпуса хозяйственных построек.

Имела она 72 койко-места в 3-х стационарных отделениях. 4 палаты предназначались для платного лечения. Амбулатория рассчитывалась на приём 100 посетителей в день, но через три года принимала уже до 200.

И больница располагала специальным отделением для детей.

Такого не было ни в одном глазном институте ни в России, ни в Западной Европе! Подобное детское отделение появится позже лишь в богатейшей глазной больнице имени Ротшильда в Париже.

Штат больницы был весьма ограниченным – директор (он же главный врач), четыре врача-офтальмолога, один провизор и вспомогательный персонал – 28 человек.

Несмотря на немногочисленность сотрудников, в больнице за три первых года было зарегистрировано 150000 амбулаторных посещений, произведено более 3000 амбулаторных и 2000 стационарных операций, пролечено около 2500 больных.

Больница содержалась за счёт городского бюджета и обходилась городу в 25000 рублей в год.

Именно здесь начинал свою врачебную деятельность выдающийся отечественный офтальмолог, академик Михаил Иосифович Авербах, который с 1903 года и до самой своей смерти в 1944 году был её бессменным главврачом.

Во время I Мировой войны больница реконструировалась и – не сокращая приём гражданского населения – оказывала помощь раненым.

И в советский период – даже в самые трудные послереволюционные годы, полные разрухи и лишений, больница полностью обеспечивалась медикаментами, питанием, освещением и отоплением. (Проблемы начались лишь в перестройку).

Располагая обширным клиническим материалом, это оздоровительное учреждение стало также базой для учебных целей. К 20-м годам в его стенах побывало около 2000 студентов. Больница привлекала к себе внимание врачей-окулистов из других городов. Помимо лечебной и преподавательской деятельности активно велась и научная работа. 2 раза в месяц проводились различные конференции, на которых обсуждались серьёзные вопросы офтальмологии.

Постепенно расширялась территория учреждения, в 1925 году уже было 150 коек.

1 января 1936 года глазная больница была преобразована в Московский научно-исследовательский институт (МНИИ) глазных болезней имени Германа Гельмгольца – к 115-летию учёного.

Институт получил значение государственного научно-практического офтальмологического центра.

На сегодняшний день Московский научно-исследовательский институт глазных болезней имени Германа Гельмгольца – единственное в России и за её пределами многопрофильное научно-клиническое учреждение, занимающееся разработкой всех важнейших проблем офтальмологии, от успешного решения которых в первую очередь и зависит предупреждение болезней глаза.

По многим из этих направлений институт занимает ведущее положение в отечественной и мировой науке.

В результате многолетних исследований разработаны новые технологии и методы диагностики, лечения и профилактики заболеваний.

МНИИ глазных болезней имени Гельмгольца является главным учреждением по проблемам офтальмологии в системе Минздравсоцразвития России, координируя научно-исследовательскую работу ведущих кафедр офтальмологии медицинских вузов РФ. Директор института является главным офтальмологом, членом Экспертного Совета Минздравсоцразвития и возглавляет профильную комиссию по офтальмологии Минздрава.

Сформированная в институте в течение 100 лет самостоятельная офтальмологическая школа является ведущей в России и получила заслуженное признание.

Результаты научных исследований ежегодно докладываются на международных конгрессах. Мировое признание института подтверждается дипломами и медалями, полученными за разработку новых технологий.

Учёные института постоянно принимают участие в международных конгрессах и симпозиумах в Германии, Франции, Англии, Италии, Швейцарии, Швеции, Японии, США, Канаде и в других странах.

В Институте имеется отделение экстренной и неотложной помощи, где медицинская помощь пациентам оказывается круглосуточно. Ежегодно здесь получают помощь свыше 19000 человек.

Институт обладает 6 стационарными отделениями, развёрнуто 300 коек, где больным оказывается высокотехнологичная медицинская помощь с применением современных технологий, имплантантов, лекарственных препаратов.

На базе отдела травматологии, реконструктивной, пластической хирургии и глазного протезирования функционирует центр медицины катастроф «Защита» для оказания медицинской помощи пострадавшим в терактах, катастрофах, при стихийных бедствиях.

Большое значение в Институте уделяется детской офтальмологии. Лечение детской патологии в Институте занимает более 30% от всей оказываемой специализированной помощи.

Работы сотрудников МНИИ глазных болезней в разные годы отмечены Государственной премией СССР, премиями СССР и России, премиями имени академика Михаила Авербаха и академика Владимира Филатова, многочисленными дипломами и медалями ВДНХ, золотыми и серебряными медалями и дипломами Брюссельской выставки.

Институт за большие успехи в развитии науки и практической офтальмологической помощи населению страны был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

А ещё гордится Институт глазных болезней уникальной научно-медицинской библиотекой, ведущей свою историю с 1902 года.

Инициаторами создания и первыми заведующими были сами врачи, впоследствии библиотека стала самостоятельным подразделением.

В настоящее время она располагает многотысячным регулярно пополняемым фондом на русском и иностранных языках – книги, учебные пособия, периодические издания, диссертации – с хорошо организованным современным информационным обеспечением.

Московский НИИ глазных болезней имени Германа Гельмгольца является достойным продолжателем лучших традиций Российской офтальмологической школы.

И Институт с гордостью носит имя гениального учёного, так много сделавшего для излечения болезней глаз.

*

21 декабря весь театральный мир планеты будет отмечать 90-летие со дня рождения гениальной кубинской балерины – Алисии Алонсо.

*Е. И. Соколова,
заведующая сектором тифлоизданий*

ПЕРВАЯ КАРМЕН

*О планах? Хорошо, слушайте:
дожить до ста лет и продолжать танцевать,
видеть жизнь и не потеряться в ней.*

Алисия Алонсо

*...Кубе повезло обладать тобой,
принадлежащей миру и уже бессмертной
в истории нашего великого искусства.*

Арнольд Хаскел,
английский критик

На своей родной Кубе она – идол, но и в Америке, и в Европе к ней относятся с трепетом.

Она – одна из ярчайших интерпретаторов классики, сумевшая представить романтических виллис и принцесс неотразимыми, полными страсти роковыми красавицами.

Она – первая исполнительница обожаемых балетоманами постановок «Подводное течение» Энтони Тюдора и «Тема с вариациями» Джорджа Баланчина.

Она – первая исполнительница Кармен в той самой постановке Альберто Алонсо (брата своего мужа), которую мы наизусть знаем в интерпретации Майи Плисецкой.

Ну, а кроме всего этого, она – выразительнейшая актриса, гипнотизирующая публику одним своим появлением на сцене.

Легендарная балерина с «острова свободы» – её танец заставлял прослезиться даже негибавшего команданте Фиделя.

Понятие «Алисия Алонсо» у нас в стране присутствовало ещё в советские времена – в виде духов – приятный запах, но довольно обычный.

И ещё в виде фигурки балерины на дне кубинского игристого.

На вкус оно было не ахти, но все покупали в подарок – именно из-за этой куколки в пачке, с приподнятой ножкой.

На кубинском роме тоже изображена эта женщина – символически – в виде эмблемки Хиральдии (образа Гаваны) и исторически – несчастной жены одного из губернаторов.

Но Алисия Алонсо существует и реально. Вся жизнь этой женщины – утверждение победы силы человеческого духа над неизбежной бренностью человеческого тела.

Почти слепая, она на X Гаванском международном фестивале балета в 1986 году вновь, как и всегда, поразила всех «своей вечной неожиданностью, одной ей свойственной манерой танца».

Она исполнила в течение 13 дней фестиваля несколько ролей как классических, так и новых свободных постановок, где удивительно тонко охарактеризовала персонажи: трагические (Медея, Жанна д'Арк, Джульетта, Иокаста) и комические (Ганна Главари), и блеснула «ещё одним интересным элементом – серией фуэтэ по диагонали, чётких и стремительных, при виде которых зал взорвался овацией».

Конец 40-х годов прошлого века.

Маленький латиноамериканский остров в Карибском бассейне, находящийся под властью диктатора Батисты. Жизнь в стране подчинена интересам США. Культура страны – как и всё национальное – правительством не поощрялась и не поддерживалась.

В эти годы (яростной подпольной борьбы за независимость страны) создание национального балета не стояло во главе угла.

Тем более, что Куба никогда не имела собственных балетных традиций. Не было кубинских балерин. Не было подходящей сцены.

А широкие народные массы вообще не были знакомы с этим видом искусства.

В таких условиях Алисия Алонсо начала осуществлять цель своей жизни – создание Национального балета Кубы.

Несомненно, что достижение этой дерзкой задумки превышало возможности молодой, никому не известной балерины.

Осуществление требовало серьёзного продуманного плана действий, невероятной трудоспособности, овладения достижениями мирового балета и оригинального их использования, а также воспитания в себе определённых сил – для отражения ударов судьбы и соблазнов красивой жизни.

Её жизнь интересна для нас прежде всего своей системой целей – решив очередную задачу, она переходила на новый уровень творчества.

Родилась будущая гордость кубинской сцены 12 декабря 1921 года.

Трудно сказать, что толкнуло дочь ветеринара Алисию Мартинес дель Ойо на балетную сцену.

Сама прима об этом говорит так: *«Я всегда была балериной... В детстве, чтобы заставить меня уговориться, был только один способ – запретить меня в комнате, где играет музыка. И все знали, что я ничего не натворю там, потому что я танцую. В то время я ещё не знала, что такое балет. Делая разные движения, я воспроизводила в танце то, что чувствовала...»*

Я думаю, что впервые поняла, чего мне хочется, когда я провела свой первый урок».

Вот так, уже в 9 лет (записавшись в частную школу русского балетмейстера И. Яворского) Алисия осознала, что балет – это вся её жизнь.

От желания выразить свои чувства танцевальными движениями она переходит к стремлению стать настоящей балериной и создать Национальный балет Кубы.

А потом в фантастически короткий срок поднимает юный кубинский балет до уровня мирового – с вековыми традициями.

И снова переход (уже, как бы, в надсистему): создание балета Латинской Америки.

«Проблема единства очень важна. Достигнув его, мы сможем дать миру больше, чем даём сейчас. Каждая латиноамериканская страна должна внести свой вклад в развитие балета. Фольклор обогащает и питает балет. Однако Латинская Америка ещё не привнесла в мировой балет и одной трети своего фольклора».

Эта линия жизненных целей Алонсо направлена на развитие национальной и обогащение мировой культуры.

Но это не всё.

Алисия оказалась не только талантливой балериной и создателем неповторимой балетной школы, она решила превратить балет Кубы в истинно народный.

Она стремится высшие достижения этого вида искусства вернуть его истинным создателям.

Ведь далеко не каждый кубинец может и хочет попасть на балетный спектакль.

Но Алисия не ждёт, когда зритель возвысится до понимания балета.

Она находит идеальное решение: балет **сам** идет к зрителю. Созданы передвижная сцена, оборудование, осветительная аппаратура.

«...Если зритель не может пойти на балет, балет сам идёт к зрителю – туда, где нет театров, где спектакль идёт под открытым небом. Мы много лет добивались этого... Теперь мы можем ездить на фабрики, поля. У нас есть всё для этого...»

Балет перестаёт быть искусством для избранных, он рождается в народе и идёт к нему, выполняя своё основное назначение: преобразовывать действительность».

Но и это не всё.

Гастролируя по всему миру, скрупулезно изучая опыт разных школ и исполнителей, Алисия накапливает своеобразный информационный фонд для создания своего способа воспитания танцора.

«У нас есть свой, кубинский метод подготовки, учитывающий климат, особенности физического и мышечного строения организма. Этот метод позволяет сократить подготовку артиста балета до 7 лет».

По словам её супруга Фернандо, *«на Кубе нет своей школы балетмейстеров – у нас хореографом становится тот, кто хочет сочинять танец и может сочинять его... Танцовщики сами ставят одноактные балеты, подсказанные им самой жизнью».*

Свобода творчества, воплощённая в жизнь – основа для решения задач на высоком уровне. Каждый танцор может внести свой вклад в такой «информационный фонд» труппы.

Древнее искусство танца, прошедшее по ступеням жизненных целей Алисии Алонсо, – превратилось в тончайший инструмент познания и преобразования мира: от морального и физического совершенства отдельного Человека до духовного обогащения Человечества в целом.

В 1948 году Алисия, Фернандо и Альберто открыли собственную школу.

Всю свою удивительно результативную жизнь Алисия Алонсо основывала на хорошо продуманных планах.

Когда в 1956 году существование балетной труппы на Кубе стало невозможным из-за преследований правительства, она изменяет свою программу, включая в неё поддержание в форме (до лучших времён) наиболее одарённых танцоров.

После победы революции на Кубе в 1959 году она создает новый план действий.

Однако балерина не ограничивается «стремлением вверх». Параллельно она планирует и внедряет в жизнь более широкое и глубокое воздействие балета на человека.

Трактовка Алисией образа той или иной героини – это высочайший актёрский уровень. Это – изучение эпохи и глубокое проникновение внутрь образа.

Работая над сценой сумасшествия в «Жизели», она (по примеру нашей землячки прославленной русской балерины Ольги Спесивцевой) посещала психиатрический госпиталь, беседовала с врачами, наблюдала больных.

Здесь вновь повторяется сбор информации, анализ и обобщение.

Возможно, что благодаря этой глубине и тонкости взаимодействия с образом, она открыла новое свойство балета – способность излечивать некоторые заболевания.

Заметив, что танец помогает контролировать работу мышц, Алонсо решает использовать балет в качестве терапевтического средства для лечения эпилептиков, астматиков, людей с физическими недостатками, влияющими на психику. Появляется новая цель – создание психобалета.

Но и это не всё.

Кроме планов на большие периоды жизни, Алисия имеет планы текущие. Её повседневная работа всегда расписана по секундам.

Сама балерина считает, что секрет её успехов – это *«труд, тренаж без жалости к себе. Я убеждена, что продолжительность творческой жизни танцора зависит от его дисциплинированности и воли...»*

Ни тогда, ни позже, ни сейчас я собой не бываю довольна!».

И Алисия продолжает трудиться, отдавая работе максимум имеющихся возможностей.

«Думаю, в любой профессии необходимо стремиться к совершенству. Чувствовать за это ответственность не только перед собой, но и перед народом своим».

Она интуитивно нащупала и использовала научный способ решения задач, включающий сбор информации, её обобщение и поиск закономерностей.

«Училась я много и продолжаю учиться. И не только у крупных деятелей искусства..., но и у менее крупных величин. На мой взгляд, если внимательно относиться к делу, то и у посредственного исполнителя можно чему-то поучиться...»

В молодости я многому научилась у своих более опытных партнёров. Потом пришёл второй этап – мы учились взаимно друг у друга. Теперь мои партнёры значительно моложе меня и, думаю, что я им помогаю расти, созреть. Конечно, не будь их – не было бы и меня».

С 18 лет она выступала на сценах известнейших театров США и Европы.

А через год у неё начались проблемы со зрением. Один глаз вообще отказывал.

Но она была такая – одна единственная. Поэтому её партнёры на сцене всегда стояли в конкретном, ожидаемом для неё месте. Помогали ей также специальные световые эффекты.

Алисия танцевала до 70-летнего возраста.

И хотя вот уже 15 лет артистка не видит вообще – зрение ей заменяет слух – она по-прежнему руководит Национальной школой балета Кубы, называя себя «чернорабочим танца».

И очень хорошо помнит тот день – далёкого 1959 года, когда в дверь её дома в Гаване постучал Фидель Кастро.

«Я его тогда увидела впервые. Он меня прямо спросил: Что тебе нужно, чтобы сделать хорошую балетную труппу?.. Фидель – это пример гуманности для нашей страны и всего мира. Он храбр, умён и очень любит людей. Не только я так думаю».

По случаю 50-й годовщины Национального балета Кубы Кастро наградил сеньору Алонсо орденом. Теперь она – Героиня труда.

Международный журнал «Ballet», выходящий на английском, французском, итальянском языках и объединяющий ведущих европейских критиков, ежегодно премирует самых молодых и самых заслуженных артистов. С недавних пор церемония с концертом лауреатов проходит в знаменитом каннском Дворце фестивалей.

А свою особую награду «За жизнь в искусстве» «Ballet» вручил сеньоре Алисии Алонсо.

Приветственная овация зрителей, вставших со своих мест при её выходе, длилась минут пятнадцать.

*

В этом году исполняется 200 лет со дня рождения русского поэта – Дмитрия Павловича Давыдова.

*Т. А. Сохорева,
библиотекарь отдела обслуживания*

ГИМН БАЙКАЛА

*Я посвятил себя занятию,
к которому чувствовал призвание,
и смею думать, усилия мои
к распространению грамотности,
смягчению нравов
и развитию умов моих воспитанников
не остались без последствий.*

Дмитрий Давыдов

«Славное море – священный Байкал»

*Славное море – священный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалёчко.
Долго я тяжкие цепи носил,
Долго скитался в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать подсобил,
Ожил я, волю почуя.
Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,*

*В дёбрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.
Шёл я и в ночь и средь белого дня,
Вкруг городов озираясь зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Славное море – священный Байкал,
Славный мой парус – кафтан дырчатый...
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Слышатся грома раскаты.*

Из старинного дворянского рода Давыдовых сразу трое попали в историю XIX века: Денис, Владимир и Дмитрий.

Первый, Денис, известен подвигами во время «грозы 12-го года». Стал гусарским генералом.

Второй, Владимир, геройски сражался на Бородинском поле и был тяжело ранен, а в 1825 году вышел на Сенатскую площадь и разделил участь декабристов. Отбывал каторгу в Иркутской губернии.

Третий, Дмитрий, стал первооткрывателем. Его имя вошло в число исследователей Сибири.

Все трое обладали поэтическим даром.

Денис, воспев застолье и воинское братство гусар, стал признанным поэтом России. Стихи Владимира менее известны – редкие дошли до нас из усольских соляных копей. Дмитрий – автор строк, которые поют по сей день.

В 1811 году обедневший рязанский дворянин Павел Давыдов с молодой женой держал путь в Сибирь *«с научной и просветительской целью»*. Он направлялся в Иркутск, но пришлось задержаться в Ачинске: у жены начались роды.

С появлением на свет мальчика, которого окрестили Дмитрием, чета осела в этом уездном городке, и здесь прошло всё детство будущего поэта.

Рано потеряв отца, Митя Давыдов в 15 лет стал кормильцем семьи. Начинать писцом в Ачинском окружном суде, но эта работа не привлекала...

В Иркутск Митя приехал 18-ти лет – сдавать экстерном экзамены за гимназию. Он показал блестящие знания и получил звание учителя.

Математический дар давал право поступления в высшее учебное заведение – Дмитрий обратился в Московский университет с просьбой *«сделать ему экзамен на степень кандидата чистой математики и физики и других относящихся к оным наук»*. Однако в январе 1831 года Давыдова уведомили, что *«за неимением постановлений о заочных испытаниях»* его просьба не может быть удовлетворена.

Конечно, это был удар. Но Дмитрий пережил, не стал так уж отчаиваться – давно манили глухие сибирские края. Он был человеком широкого круга интересов.

8 лет учительствовал в Кяхте – удивительном пограничном городке.

Место это процветало, здесь скрещивались торговые пути на Восток, останавливались путешественники и богатые купцы. От них и ждали новостей в кружке местной интеллигенции, которая издавала рукописный журнал «Кяхтинский литературный цветник» и газету «Кяхтинская стрелка» – тиражом аж в 60 экземпляров!

Вот в этих изданиях и публиковал Дмитрий Давыдов свои первые поэтические опыты.

Увлечение стихосложением относилось ещё к детству, но вместе с тем никогда не было главным делом его жизни.

Первые, дошедшие до нас, литературные творения Давыдова – это весьма наивные поэмы (сам он называл их *«сибирскими романами в стихах»*) «Наташа» и «Заветный бокал». Цензура «романы» прошли, но опубликованы не были.

Но не только рифмы занимали в ту пору математика Дениса Павловича Давыдова.

Он был и неутомимым исследователем.

В 1834 году Давыдов получил направление в Якутск на должность смотрителя училищ края.

30 лет занимался Дмитрий Павлович педагогической деятельностью, отдавая ей много душевных сил, не заботясь о карьере и продвижении в чинах.

«Я посвятил себя занятию, к которому чувствовал призвание, - писал он, - и смею думать, усилия мои к распространению грамотности, смягчению нравов и развитию умов моих воспитанников не остались без последствий».

И в другом месте: *«О вверенных мне заведениях я заботился примерно и снабжал бедных учеников книгами на свой счёт. С гордостью могу сказать, что никто из моих воспитанников не оказался негодяем»*.

Все они были проникнуты тем благородным духом, который инстинктивно чувствуется детьми и сообщается им на всю жизнь – как бы по обаянию, непреклонному перед влиянием, враждебно ему действующим».

Здесь, на русском Севере, и развернулась его активная научная деятельность.

Он занимается *«электричеством и магнетизмом, как силами, обещающими громадные услуги для людей в будущем»*; мечтает о беспроводном телеграфе, управляемом летательным аппаратом и много ещё о чём другом.

Из Якутска после многолетних наблюдений Давыдов стал писать статьи в петербургскую газету «Золотое руно», его заметил академик Александр Фёдорович Миддендорф – руководитель Северо-Восточной Сибирской экспедиции. Он и привлёк молодого учителя к исследовательской работе.

9 апреля 1844 года в дневнике Миддендорфа отмечено: *«Дальнейшее наблюдение над температурой почвы в Шергинской шахте поручил весьма образованному и опытному исследователю Сибири...»*

По предложению руководителя новоиспечённый исследователь проводит метеорологические и геотермические измерения.

Он много путешествует, изучая нравы, фольклор и быт народов Сибири, организует археологические исследования на реках Селенга и Уда. В целях промышленного развития Севера Давыдов обдумывал проекты соединения Байкала с Леной.

Этот отважный путешественник исходил таёжными тропами сотни вёрст, побывал во многих неизвестных местах:

*На лыжах я в дремучие леса
Ходил один, с винтовкой за плечами.
Унижет ночь звездами небеса...
Разрою снег привычными руками
И в нём смежу усталые глаза.*

Его глубоко интересовало всё, связанное с этим краем.

В специальной докладной записке в Академию наук Миддендорф дал этим наблюдениям высокую оценку.

Жизнь на Севере не прошла даром: Дмитрий Павлович издаёт первый выпуск «Якутско-русского словаря».

Из Петербурга пришла грамота: *«За особые труды по части этнографических изысканий, во внимание к усердию его на пользу Сибирского отдела сказанного общества, изъявлена ему благодарность».*

В 1858 году столичный журнал «Золотое руно» опубликовал стихотворение Давыдова «Думы беглеца на Байкале», и вскоре удивительным образом стих этот стал народной песней.

Видимо, в строчках Дмитрия Павловича находили выход порывы загадочной русской души.

...В селенгинской пойме, что зовётся Сором, сидел он на песчаном берегу, заваленном омулёвыми бочками, обрывками сетей, и в смрадном воздухе гниющей рыбы смотрел на Байкал, слушал рассказ старого буряты – как перебираются на другую сторону беглые каторжники в таких вот бочках с попутным баргузинским ветром.

Слушал и представлял человека в бочке среди пляшущих по воде белых барашков.

Его поразило, что *«беглецы с необыкновенной смелостью преодолевают естественные препятствия в дороге. Они идут через хребты гор, через болота, переплывают огромные реки на каком-нибудь обломке дерева; и были примеры, что они рисковали переплыть Байкал в бочках, которые иногда находят на берегу моря, в которых обыкновенно рыболовы солят омулей».*

Такие побеги происходили достаточно часто.

Для поимки выставлялись стрелки горной стражи. Но беглецы обычно ничего не нарушали – из боязни преследования. А местные жители их вовсе не ловили. И не только потому, что это для них неудобно, а более из опасения, что пойманный – при новом побеге – отомстит поимщику.

Так что побеги с каторги были довольно удачны.

Нерчинские каторжники подобрали к давыдовским словам мелодию, и через пару лет песню стали петь арестанты на этапах, ямщики в пути, приискатели, мастеровые.

А через 5 лет «Думы беглеца на Байкале» уже были зафиксированы собирателями фольклора.

Как нередко бывает, эта песня ещё при жизни автора была по-своему «отредактирована» народом. Давыдов, например, называл Байкал *«привольным»*. Насколько же сильнее и удачнее эпитет *«священный»*, найденный его безвестным соавтором!

Вмешательство таких соавторов пошло на пользу давыдовскому тексту: он сократился почти вдвое, от него отлетело всё второстепенное, шероховатое, незначущее.

В припеве появилось удалое *«Эй!»* вместо *«Ну, баргузин...»*.

И гордое предупреждение *«Слышатся грома раскаты»* тоже вписал народ.

И лирический герой из заурядного бродяги – мечтающего погулять в родном селенье – превратился в героя, бросающего вызов каторге и несправедливой судьбе.

Песня о славном море Байкале и ныне одна из самых любимых и распространённых народных песен, выдержавшая испытание временем.

Всё новые варианты текста записываются до сих пор.

«Думы...» вошли в первый стихотворный сборник давыдовских стихов, вышедший в Петербурге в 1858 году.

Стихи просто ошеломили современников. Сборник стал известен далеко за пределами России.

А вскоре и известный поэт-переводчик Дюпре де Сен Мор познакомил просвещённую Европу с байкальской одиссеей каторжника. В английском издании Джона Бауринга «Образцы русской поэзии» имя Давыдова стоит рядом с Жуковским, Крыловым и Пушкиным.

В каком направлении развивалось поэтическое творчество Давыдова далее – собственно, неизвестно, поскольку произведений он своих не печатал, а рукописи не сохранились.

По словам Дмитрия Павловича, он *«задумал поэму «Покорённая Сибирь» и принялся за работу, которая уже приближалась к концу, и отрывки из которой кое-где появлялись в печати без моего ведома, когда пожар в Якутске уничтожил моё произведение вместе со всем моим имуществом. Оправившись от беды, я восстановил что мог...»*

«Покорённая Сибирь» представляет историческое событие в картинах местностей, лично мною осмотренных; в картинах, смею сказать, не лишённых занимательности, верности и изящного очертания. При том – полная татарских легенд, собранных мною около бывшего Искера и других кочевьях Сибири.»

После 30 лет службы в Министерстве народного просвещения Дмитрий Павлович ушёл в отставку.

Его привлекала хромофотография, на столе стоял макет фантастического крылатого корабля. *«Воздушная лодка с управляющим рулём»*, - написал он на обложке толстой тетради, страницы которой заполнены столбиками цифр, чертежами, расчётами...

А потом началась череда неурядиц.

В самый разгар работы произошло несчастье: поэт неожиданно ослеп. Ему подсказали, что в Тобольске есть неплохие целители. В надежде, что перемена местожительства и обстановки помогут, Давыдовы в 1881 году переезжают.

Но у Дмитрия Павловича начинается паралич конечностей.

Больше 8 лет он пролежал в постели без движения, со сведёнными руками и ногами!

Прикованный к постели, он проговаривал жене и дочери стихи и письма друзьям, мечтая о выздоровлении.

А ещё мечтал завершить поэму о Ермаке. Сложившиеся строки Давыдов родным диктовал, потом ему их перечитывали, а он делал поправки.

Так целиком под диктовку была завершена поэма «Поэтические картины». Эта книга носит автобиографический характер, очень насыщена антинигилистическими выпадами. В поэтическом отношении она довольно слаба.

Дмитрий Павлович много лет собирал монгольские сказки, легенды, пословицы. Часть из них увёз известный ориенталист и монголовед О. М. Ковалевский – исследователи договорились о совместном издании в подлиннике и в русском и во французском переводах.

Но в варшавском в доме Ковалевского вспыхнул пожар – сгорело всё.

А рукописи, книги, физические и астрономические приборы и другие вещи сибирского исследователя погибли во время иркутского наводнения 1870 года.

«Таким образом, пятнадцатилетний труд, стоивший мне невероятных усилий и лишений, - писал поэт о своём собрании монгольского фольклора, - труд, которым я гордился и который обещал многое, исчез в огне и воде бесплодно для света, оставив лишь отрывочные следы своего существования».

Когда руки и ноги начали немножко действовать, Дмитрий Павлович снова стал думать о продолжении своих разнообразных работ, но нужда и почти полное одиночество, не говоря уже о слепоте, развеяли его надежды.

Болезнь зашла слишком далеко: 11 июня 1888 года создателя бессмертного «Славного моря» не стало.

Творческое наследие этого человека не изучено.

Дмитрий Павлович Давыдов был настоящим подвижником-краеведом, лингвистом, фольклористом, этнографом, археологом.

Он изучал якутский и бурят-монгольский языки.

По связям с Русским географическим обществом, неоднократно выезжал в Баргузин, собирая сведения о минеральных источниках, древних водопроводах и прочем, и намеревался написать монографию о Баргузинском крае.

Географическое общество напечатало несколько его работ – «О начале и развитии хлебопашества в Якутской области», «О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа» и другие.

И о некоторых трудах Дмитрия Павловича упоминает знаменитый немецкий учёный и путешественник Александр Гумбольдт в своём сочинении «Космос».

Небольшое наследие поэта – два редких прижизненных издания – хранила жившая в Иркутске его внучка Евсталия Вячеславовна Клепцова.

Книжкам более 100 лет – это стихотворения и поэмы «Ермак», «Якутские силуэты», «Тунгус», «Жиганская Аграфена», «Думы о покорении Сибири», «Ширэ Гуйлуху, или Волшебная скамеечка», автобиографические «Поэтические картины».

Правнучка Наталия Клепцова передала эти книги и немногие личные вещи поэта Областному краеведческому музею.

В XX веке стихи Давыдова издавались лишь однажды, в 1937 году в Иркутске. Тираж – всего 3000 экземпляров.

Возможно, к 200-летнему юбилею – будем надеяться – эту несправедливость исправят.

Первоначальный вариант текста песни «Славное море – священный Байкал» –

«Думы беглеца на Байкале»

*Славное море – привольный Байкал.
Славный корабль – омулёвая бочка.
Ну, баргузин, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалёчко.
Долго я звонкие цепи носил:
Худо мне было в горах Акатуя.
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.
Шилка и Нерчинск не страшны теперь:
Горная стража меня не видала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.
Шёл я и в ночь, и средь белого дня,
Близ городов я проглядывал зорко.
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Весело я на сосновом бревне
Вплавь чрез глубокие реки пускался.
Мелкие речки встречались мне –
Вброд через них пробирался.
У моря струсил немного беглец:
Берег обширен, а нет ни корыта.*

*Шёл я каргой – и пришёл наконец
К бочке, дресвою залитой.
Нечего думать – Бог счастья послал:
В этой посудине бык не утонет:
Труса достанет и на судне вал,
Смелого в бочке не тронет.
Тесно в ней было бы жить омулям.
Рыбки, утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам –
В бочку полезли бы сами.
Четверо суток верчусь на волне,
Парусом служит армяк дыроватый.
Добрая лодка попалася мне,
Лишь на ходу мешковата.
Близко виднеются горы и лес,
Буду спокойно скрываться за тенью,
Можно и тут погулять бы, да бес
Тянет к родному селенью.
Славное море – привольный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка...
Ну, баргузин, пошевеливай вал...
Плыть молодцу недалёчко!*

*

В этом году исполняется 590(?) лет со дня рождения Василия Юрьевича, князя Галицко-Звенигородского, прозванного Косым.

*Н. А. Топоркова,
заведующая отделом комплектования*

ЗЛОСЧАТНЫЙ ПОЯС

Русский князь Василий Юрьевич, о котором у нас пойдёт речь, родился, по одним данным, в 1403 году, по другим – в 1421.

Чаще всё же проставляется дата «1421».

Но если внимательно читать исторические документы и по ним сопоставлять различные события, то, скорее всего, 1421 год – это год, когда 18-летний княжич как бы получил паспорт – право водить полки, принимать участие в советах отца с боярами и самому решать кое-какие вопросы.

Как бы то ни было, год 1421 в судьбе Василия был знаменательным.

Василий Юрьевич Косой (Косый) – сын князя Галицко-Звенигородского Юрия (Георгия) Дмитриевича и Смоленской княжны Анастасии Юрьевны. Недолго был великим князем Московским.

Василий, вообще-то, и по рождению из великокняжеской династии. Колено, правда, аж 17-е. Но, тем не менее – по отцу – внук самого Дмитрия Донского.

В летописях упоминается он впервые в 1433 году. Тогда два Юрьевича – Василий и Дмитрий (по прозвищу Шемяка) пировали на свадьбе своего двоюродного брата великого князя Василия II – тоже внука Дмитрия Донского.

И дабы не путать двоюродных Василиев – великого князя и Галицко-Звенигородского, будем их величать по отчествам. Первого – Васильевич, второго – Юрьевич.

На свадьбу Василий Юрьевич к Василию Васильевичу приехал в богатом золотом поясе, усаженном дорогими камнями.

История этого самого пояса весьма любопытна, очень горька и невероятно глупа и бездарна.

Получила его в приданое Евдокия – дочь Суздальского князя Дмитрия Константиновича. А замуж она шла за другого Дмитрия – князя Московского. В истории этот Московский князь Дмитрий останется известен как Донской и будет причислен к лику святых.

Так вот, узами сего брака Суздаль как бы признавал приоритет Москвы.

Но не всем суздальцам нравилось такое принижение. И тысяцкий Дмитрия Суздальского Василий Вельяминов подменил этот пояс другим, куда менее ценным.

Молодожёны сначала ничего не заметили, а когда спохватились – не стали унижать себя дознанием – не до того было. Москву после «Всехсвятского пожара» восстанавливать надо, да и Мамай о себе напоминает...

Вельяминов же – настоящий пояс отдал своему сыну Микуле, за которым была замужем другая дочь князя Суздальского, Мария – то есть, сестра великой княгини Евдокии.

То есть, пояс просто перешёл от одной сестры к другой.

Умирая, великий князь Московский Дмитрий Донской распорядился передавать княжение от одного брата – другому. Сначала шёл Василий, за ним – Юрий и так далее.

Следовательно, после смерти отца – Дмитрия Донского и следующего за ним старшего брата – Василия I Дмитриевича, княжий посох должен был принять Юрий Дмитриевич (на ту пору и бывший князем Галицко-Звенигородским).

Однако... Четверть века назад к Василию I Дмитриевичу из-за моря прибыла невеста – дочь Витовта Литовского Анастасия, в крещении – София.

Сначала София рожала одних дочерей.

Но в 1415 году на свет появился долгожданный мальчик – Василий.

И совсем уже старая по тем меркам – ей было 44 года – великая княгиня София Витовтовна решает посадить его на великокняжеский престол.

В обход завещания своего знаменитого тестя (которое, кстати, подтверждал и ранний закон Ярослава Мудрого). Но материнскому инстинкту – законы не указка. Она решила, что её ненаглядный Васятка – будущий великий князь Московский.

И точка.

Каким образом появилась духовная грамота Василия I Дмитриевича, где он завещает Москву сыну в обход брата Юрия – непонятно.

То ли София Витовтовна убедила умирающего мужа (уже не совсем осознающего свои действия) подписать документ, то ли сама подпись подделала, то ли ещё что-то.

Но духовную огласили.

Юрий Дмитриевич в первый момент растерялся и даже бежал в Галич, подальше от столицы. Но племяннику не присягнул.

Великая княгиня зовёт на помощь отца – Витовта Литовского.

Юрий Дмитриевич на время затихает, а София Витовтовна ищет соратников. Обещает боярину Ивану Дмитриевичу Всеволожскому в награду за помощь женить своего Василия на его дочери.

Боярин Всеволожский правдами и неправдами добывает будущему зятю в Орде великокняжеский ярлык – и вот на престол восходит Василий II Васильевич.

Но София Витовтовна находит сыну княжну – Марию Ярославну Серпуховскую. Дочка Всеволожского – лишь боярышня. А боярышня великому князю не годится.

Вот теперь вернёмся к злосчастному поясу.

Микула Вельяминов отдал его тогда именно боярину Ивану Дмитриевичу Всеволожскому – также в приданое за своей дочкой.

Согласись София Витовтовна на брак боярышни Всеволожской со своим сыном – тесть наверняка подарил бы пояс зятю.

...И, возможно, история российская пошла бы совсем по другому пути...

А так (скорее всего, из мести) Иван Дмитриевич отдал его другому внуку Дмитрия Донского, сыну законного претендента на Московский престол – княжичу Галицко-Звенигородскому Василию Юрьевичу.

И обручил со своей внучкой Анастасией Андреевной, княжной Серпуховско-Радонежской.

Вот этот самый пояс и украшал наряд Василия Юрьевича на венчании двоюродного брата Василия II Васильевича.

Матери нового великого князя давно известна история пояса её свекрови – великой княгини Евдокии. А тут ещё, на пиру свадебном, начали ей доброжелатели нашёптывать: дескать, непочтение какво! Как посмели звенигородцы?! Это они – воры, стало быть?!!

Возможно, всё было специально подстроено – либо самими Юрьевичами, либо – теми же «доброжелателями»...

Но, как бы там ни было, поддавшись на такую (в общем-то, дешёвую) провокацию, София Витовтовна при всех сорвала с Василия Галицко-Звенигородского пояс – как собственность своего семейства, так незаконно перешедшую в чужое.

Оскорблённые Юрьевичи тотчас покинули стольный град и отправились к отцу в Галич; по дороге, как отмечает летопись, они *«пограбиша Ярославль и казны всех князей разграбиша»*.

С этого же 1433 года и началась война между их отцом Юрием Дмитриевичем и Василием II Васильевичем.

Дальнейшие события личность Василия Юрьевича Галицко-Звенигородского не красят.

В период борьбы за великокняжеский стол именно он отличился жестокой расправой со сторонниками двоюродного брата.

После битвы на Клязьме Василий II Васильевич попадает в плен.

И Юрий Дмитриевич, наконец, становится великим князем.

Но Василий Юрьевич смертельно боится опасного пленника и предлагает отцу немедленно его казнить. Боярин же Семён Морозов присоветовал Юрию Дмитриевичу отдать племяннику в удел Коломну.

Однако едва свергнутый правитель в Коломну прибыл, как тут же начал призывать отовсюду помощь. Тогда братья Юрьевичи, видя, что их опасения сбываются, обратили свою ярость на главного виновника отцовской ошибки и убили Семёна Морозова: *«Ты злодей, крамольник! Ты ввёл отца нашего в беду и нам издавна крамольник и лиходей»*.

Между тем отец их примирился с Василием II Васильевичем, уступил ему Москву и пообещал не принимать к себе двух своих старших сыновей и не помогать им.

Избегая отцовского гнева, братья сбежали в Кострому. Соединившись здесь с вятчанами и галичанами, они разбили московское войско на реке Куси.

Но верх Юрьевичей был недолог, на следующий год великий князь разорил Галич.

Отец снова сблизился с сыновьями, в 1434 году снова собрал войско в Костроме, и на берегу Которосли снова встретился с Василием II Васильевичем, и снова разбил его.

Великий князь бежал, а Юрий Дмитриевич снова начал княжить в Москве. Но через год он умер, и Московский престол занял Василий Юрьевич.

По зависти или по другим каким-нибудь побуждениям, младшие Юрьевичи *«послали снова звать Василья-то Васильича на великокняжеский стол, а старшему брату отвечали: если Богу не угодно было, чтобы княжил наш отец, то тебя-то мы и сами не хотим»*.

Оставшись один, Василий Юрьевич был изгнан из Москвы и лишён удела.

Он бежал в Новгород Великий, заодно разграбив берега Меты, Бежецкий Верх и Заволочье.

Василий II Васильевич выступил опять к Костроме. Река помешала биться, и двоюродные братья договорились: великий князь отдал Василию Юрьевичу в удел Дмитров. Тот же признал Василия II Васильевича старшим братом, обязывался не искать великого княжения, обещал отдать увезённую московскую казну.

Но мир был недолгим: пробыв только месяц в Дмитрове, Василий Юрьевич стал собирать под свои знамёна вятчан. Нарушив договор, он убил московского воеводу князя Оболенского, повесил десятильника владыки Ростовского и ещё перебил и перевешал многих устюжан.

Василий II Васильевич пошёл на двоюродного брата со всей силой московской. На стороне великого князя выступил и родной брат Василия Юрьевича – Дмитрий Красный.

Противники встретились в Ростовской области при селе Скорятине.

Василий Юрьевич не надеялся одолеть соперника силой и решился на коварство: заключил перемирие до утра (желая *«искрасти великого князя»*), а когда Василий II Васильевич, понадеявшись на это, распустил свои полки *«кормов деля»* – для сбора припасов, внезапно напал на него.

Но Василий II Васильевич был предупреждён, и московские полки успели собраться заблаговременно.

Василий Юрьевич был разбит.

Но вятчане, не успевшие вовремя прийти к нему на выручку, взяли в плен Ярославского князя Александра Брюхатого. А получив выкуп, не отпустили.

После такого вероломства сподвижников двоюродного брата Василий II Васильевич приказал последнего ослепить (после чего, по одной из версий, князь и получил прозвище «Косой»).

Затем летописи не говорят более об этом Юрьевиче до самой кончины его, последовавшей, вероятно, в заточении, в 1448 году.

Но за год до этого в 1447 году московский князь Василий II Васильевич был снова свергнут и тоже ослеплён своим соперником – младшим Юрьевичем – Дмитрием Галицко-Звенигородским, по прозвищу Шемяка...

О великом князе Василии II Васильевиче, прозванном Тёмным, мы расскажем в одном из следующих наших сборников.

И, заканчивая рассказ, о Василии Косом, хочется остановить внимание вот на чём.

Как справедливо замечает известная писательница Лариса Васильева, *«Софией Витововной двигало одно единственное, простое, извечное чувство: материнский инстинкт. Его правотою она срывала пояс с Косого, чтобы потом, увы, расплатиться за этот порыв слепотой сына!»*

Результат этой драмы получился серьёзный: русское сыновнее, а не братское престолонаследие утвердилось на века и стало неоспоримым фактом. История пошла вслед за ним».

В любой борьбе за власть не бывает правых и виноватых.

Так всегда было, и так, наверное, всегда будет.

А плохие и хорошие есть с каждой стороны.

Плохих, к сожалению, больше.

*

31 января 2011 года исполняется 100 лет со дня рождения одной из самых загадочных личностей XX столетия – болгарской прорицательницы Вангелии Димитровой Гуштеровой – Ванги.

*Л. А. Журавель,
методист отдела
внестационарного обслуживания*

НЕ ТЕРЯЙТЕ НАДЕЖДЫ

*Я больна и скоро уйду от вас.
Не ссорьтесь без меня, помиритесь.
Не завидуйте мне ни в чём,
а оплакивайте мою жизнь,
ибо её бремя было невыносимо.
Не желайте слишком многого –
не сможете за него расплатиться.*

Из напутствия родным.
Сказано 3 августа 1996 года
близким и родственникам в Рупите.

Вангелия Пандева Сурчева, в замужестве Димитрова Гуштерова (Гущерова), которую весь мир знал под именем Ванга, родилась 31 января 1911 года в маленьком городке Струмице на территории современной Республики Македония.

Глава семьи Панде Сурчев видел своё призвание, смысл всей своей жизни в труде земледельца. Да вот беда – редко выпадает крестьянину простое счастье – хлеб мирно растить. Крестьянин сегодня в поле, а завтра на поле брани – так уж повелось от века.

В молодости Панде ушёл в партизанский отряд – много болгар тогда боролось за свободу своей земли от турецкого порабощения. Партизаны именовались четниками, турки ненавидели их и боялись. Панде не повезло на ратном поле, он попал в плен. И лишь в результате Младо-турецкой революции 1908 года он смог вернуться.

Только дома уже никого не застал. Родители умерли, брат ушёл из родных мест неизвестно куда...

Что оставалось делать? И тут прошли слухи, что городская община Струмицы раздаёт брошенные турками наделы. И Панде решил поискать там доли.

Ему дали комнатку в старом доме на самом краю городка. Всё тут держалось кое-как, а плохо ухоженная земля урожая не давала. Однако же сладкий воздух свободы пьянил всех жителей этого захолустья: хоть и голодно, да весело!

Новый землевладелец зажил со своими соседями в мире и согласии. Был он нрава доброго, а тут встретил и свою судьбу – милую девушку Параскеву.

Зажили молодые счастливо. 31 января – ровно в полночь – Параскева родила девочку.

Появилась дочка на свет семимесячной, очень слабенькой, ушки прижаты к головке, пальчики на ручках и ножках сросшиеся.

Никто не мог сказать, выживет ли? А так как в струмишском краю обычай не давали имя ребёнку, если надежды мало (детская смертность была очень высокой), то и некоторое время оставалась дочка Сурчевых безымянной.

Имел место в то время в Болгарии интересный обычай – выбор имени. Бабушка выходила на улицу и просила встречную женщину назвать новорождённого.

Так сделала и бабушка нашей крохотульки – вышла на улицу и услышала от проходящей мимо женщины: *«Спрашиваешь, как назвать девочку? Назови её Андромахой».*

В те годы в окрестностях многие носили греческие имена, но бабушке это звучное имя не понравилось, она осталась стоять у порога дома и подождала другую прохожую.

«Как ребёночка назвать?» - переспросила та. - *Нет имени более благозвучного, чем Вангелия – носительница благой вести. Чудесное греческое имя, пусть будет твоя внучка Вангелией».*

Имя понравилось всем, так и появилась Вангелия.

Вангелия. Ангелия. Ангелика. Ангелина. Анджелина. Евангелина. Эванджелина.

По разному кликали.

Но в истории она осталась как Ванга...

Слабенькую дочурку выходили, да случилось новое горе – через три года, при вторичных родах, умерла Параскева. Закручинился отец, затосковал, а тут ещё и новая война нагрелась.

Девочку забрала в свою семью соседка-турчанка.

Долго не было вестей от отца, но всё ж через три года он с фронта вернулся и вскорости решил-ся на второй брак. И, хотя был бедняком с ребёнком на руках, невеста нашлась довольно быстро.

Из-за очередных нелепых разногласий в болгарско-сербско-турецких законах семья одной из молодых струмичанок – Танки подлежала высылке – надо было в неделю найти болгарского жениха.

Тут и подвернулся Панде.

Не зря в народе говорят: стерпится-слюбится. Панде Танку любил, и та в ответ стала заботливой женой и доброй матерью для девочки.

Потекли дни благополучия. Панде хозяин был хороший, мало-помалу их земельный надел увеличивался.

Но снова счастье оказалось временным. Сербское руководство поставило перед собой очередную заводящую в тупик цель: освободиться от тех, кто симпатизировал болгарам, и, разумеется, от тех, кто был по национальности болгарин.

Панде арестовали, землю отобрали. Вернулся он из тюрьмы как раз на рождение сыночка Васи-ла. Отец пошёл в пастухи. Весь день он пропадал на лугу, Танка хлопотала дома. А Вангелии уже исполнилось 11, и она нянчила маленького братика, придумывала всякие игры.

И однажды старшая дочь изобрела затею, которая родных несколько обеспокоила.

Где-нибудь во дворе она прятала игрушку, потом возвращалась домой, завязывала крепко-накрепко глаза и начинала, как слепая, на ощупь искать спрятанное.

Упорно, вновь и вновь устраивала она такие поиски, и никакие угрозы и запреты отца с мачехой не действовали.

Как будто предвидела...

В 1923 году семья переехала в Ново Село, к брату Панде – Костадину. Тот был богат, но безде-тен. Началась новая жизнь. Как самой старшей, 12-летней Ванге доверили серьёзную обязанность: каждый день гонять ослика до загона за селом, а оттуда везти на нём домой 2 бидона молока.

И вот в один из летних дней и случился тот самый необъяснимый случай, в результате которого – как считается – мир и получил, собственно, великую прорицательницу.

Вместе с двумя двоюродными сёстрами возвращалась Вангелия в деревню. По пути девочки решили завернуть к родничку – он находился почти рядом.

Рассказывает сестра Любка: *«Как произошло всё дальнейшее, никто не понял. Вдруг налетел ураган. Небо потемнело, поднялся страшный ветер.*

Он ломал толстые ветки деревьев и нёс их вместе с пылью над землей. Девочки онемели от ужаса, ветер свалил их на землю, а Вангу, как былинку, понесло в чистое поле.

Сколько времени продолжался этот ураган, никто не знает. Но, когда ветер стих, девочки прибежали, плача, домой без Ванги. Лишь спустя час её едва нашли в поле, заваленную ветками, засыпанную песком. Она чуть не обезумела от страха и от жестокой боли: как иголками кололо засыпанные пылью глаза, она не могла их открыть».

Глазки долго промывали чистой водой, делали компрессы, давали минеральную и «святую» воду, мазали бальзамами – ничего не помогало. Не принесли облегчения и знахари. Глазки наполнялись кровью, веки опухали.

Отчаявшись помочь дочери в Ново Селе, Панде вернулся в Струмицу – там поискать хорошего врача. В сущности, Сурчевы пробыли Ново Селе совсем недолго – около трёх месяцев.

Неужели же они приехали сюда лишь для того, чтобы у Ванга лишилась зрения? Эта ужасная мысль будет мучить отца всю жизнь.

В городке быстро разнеслась весть о несчастье Сурчевых.

Приходили соседи, снова предлагали отвары и мази, рассказывали истории о чудотворном их действии. Но, конечно, эффективного средства против такого заболевания никто не знал.

Осматривал Вангу и местный окулист. Он подтвердил, что положение очень серьёзное, так как воспаление прогрессирует – необходимо ехать в Белград на операцию.

Семья сделала всё, чтобы собрать нужную сумму – около 500 левов по теперешним деньгам. Но средств хватило на то, чтобы Вангу лишь немного подлечить.

По возвращении из Белграда она хоть и слабо, но видела. Врач предупредил, что для выздоровления нужна хорошая пища, чистота и полное спокойствие. Конечно же, эти советы остались лишь благим пожеланием, потому что жизнь семьи текла по старому руслу – в нужде и нищете.

В 1924 году родился ещё один сын Томе, и бедняк Панде вновь пошёл батрачить по селам. Его жена, насколько ей позволяли силы, работала в поле, а Ванга присматривала за младшими братьями и вела хозяйство.

Нищета и недобросовестное лечение сказывались: зрение ухудшалось.

И через некоторое время она поняла, что солнца уже не увидит.

Никогда...

Пришло отчаяние. Целыми ночами Ванга плакала и всё молила Бога о чуде...

Но чудо, почему-то, в этом случае решило, что обойдутся без него.

Проходили месяцы, а она всё больше ужасалась тому, что стала домашней обузой.

Соседи посоветовали отвезти дочку в город Земун, где был дом слепых – во всяком случае, хоть голодать не будет! Вангелия признала справедливость этого решения, но её сердце разрывалось от горя.

Наступил день прощания с родным домом.

Худенькая и слабенькая, как-то странно притихшая, *«смотрела она в наступающее весеннее утро, вернее сказать, слушала наступающий день. Теперь она лишь слухом воспринимала мир.*

Зрячие даже не могут предположить, как много звуков окружает их. Вот лёгкий ветерок протискивается сквозь оплётённый вьюнком плетень и потом легонько поглаживает герань и левкои, по молодой траве пробегает как бы на кошачьих лапках, качается на самой высокой ветке сливы. И ещё ласковое, нежное солнце, оно ползёт по её лицу, согревает щёки, слепые глаза...»

В 1926 году Земунский дом слепых принял новую 15-летнюю воспитанницу.

Здесь всё было ново, поначалу страшно, но и интересно. Выдали строгую ученическую форму – коричневые плиссированные юбки и блузки с матросскими воротничками, удобные туфли.

Первый раз в жизни Ванге укоротили её русые косы. Она была смущена и – к собственному удивлению – счастлива. Долго потихоньку ощупывала, поглаживала новую одежду и чувствовала себя царицей, потому что никогда до этого так дивно не одевалась!

Режим в доме был строгим. До обеда ученики занимались теорией: изучали азбуку Луи Брайля, проходили все школьные дисциплины, учились музыке.

Новенькая имела необычайно развитый музыкальный слух и быстро освоила фортепиано.

Клавиши будто бы не только издавали звуки, а и рассказывали ей о доме – о зелёных струмишских полях, о синем небе над Ново Селом, о дворе с пёстрыми цветами, о весёлом журчанье струй реки Тракайны, о детстве, о близких, о ясном солнышке и высоких звёздах.

Как жаль, что урок по музыке не мог продолжаться целый день...

После перерыва начинались практические занятия. Воспитанников учили класть по местам свои вещи, накрывать стол к обеду, прибирать в комнате. Слепые девочки должны были научиться «видеть» руками, развить необыкновенную чувствительность и гибкость пальцев.

Тут-то и вспомнились Ванге детские игры-пряталки – ведь она уже давно умела такое – на ощупь находить предметы!

Ванга всё усваивала легко, и не было преподавателя, который был бы недоволен ею.

Незаметно пролетели три года. Тощий заморыш-подросток превратился в стройную, подтянутую девушку.

Худенькое личико излучало глубокое спокойствие и удовлетворённость – а с некоторого времени озарилось оно и внутренней радостью.

При звуках голоса одного из воспитанников Димитра Ванга сразу вспыхивала. Димитр – Митко – тоже узнавал её по голосу. Их любви радовались и преподаватели, и воспитанники.

Родители Митко были людьми состоятельными. Неизвестно, что они по этому поводу думали, но счастью сына препятствовать не стали.

Администрация Земунского дома послала отцу Вангелии известие о решении молодых людей обвенчаться.

Ванга ждала благословения и обмирала от счастья. Она уже представляла себя в длинном белом платье, с нежной, как дыхание ангела, фатой.

Но вместо ожидаемого отцовского доброго напутствия дочь получила из Струмицы известие, сразившее насмерть – она должна немедленно вернуться домой, присматривать за младшими детьми. Два года тому назад родился третий ребёнок, а ныне Танка умерла...

Какая свадьба?

Родители Димитра соглашались на его брак с Вангелией, но не на брак с её родственниками.

Вангелия же была в первую очередь покорной дочерью...

Вот так и простилась эта девушка с первой любовью, со школой, с предстоящим бракосочетанием и с более или менее счастливой жизнью.

Обратный путь домой был тяжким и мучительным, она прекрасно понимала, что Земуна больше никогда не будет.

С этой поры жизнь слепой девушки отмечена бесконечной бедностью, многими муками, которые не всякий зрячий вынесет. И странное дело: слепая девушка не сломалась – в ней крепились душевные силы, они помогали ей устоять перед всеми испытаниями.

Дома – страшная нищета, грязь. Дети болели от постоянного недоедания. Василу было 6 лет, Томе – 4, а Любке – 2 годика.

Если дети просили Панде что-нибудь им купить, он обещал: «*Как только продам черешню, куплю!*» Но никаких черешен у них во дворе отродясь не было...

И слепая Ванга стала для малышей и матерью, и хозяйкой, и защитницей.

Как только старшая дочь вернулась, отец снова надел ярмо батрака.

1929 год. Страшное Чирпанское землетрясение. Оно дало себя почувствовать и в струмишском краю. От сильного толчка разрушались убогие жилища бедняков. От дома Сурчевых тоже ничего не осталось. Из груды обломков отец маленькую халупку собрал, а ещё надвигался голод.

Но три года, проведённые в Земуне, бесследно не прошли.

В окрестностях Струмицы разнеслась весть, что слепая девушка может быстро и хорошо вязать, ей стали приносить нитки целыми тюками. Вместо денег давали мелкие вещи или старую пряжу.

Все знали об их бедности, и, если в квартале умирала какая-то женщина, одежду отдавали Вангелии.

Старшая дочь и сама рук не покладала, и другим бездельничать не позволяла! Так, например, в понедельник они с Любкой стирали белье, во вторник подметали вокруг дома, в среду чинили одежду. В четверг месили хлеб, в пятницу ходили за город накопать красной глины и обмазать весь домик изнутри и снаружи, чтобы он стал покрасивее. В субботу собирали крапиву и щавель для щей на обед. В воскресенье с утра – церковь; а после обеда в их дворике собирались соседки и женщины из окрестных сёл – забрать связанное и поделиться свежими новостями.

Любка, хотя и была ещё очень маленькой, шила. Старшая же сестра, ощупав новую заплатку на старом платье и почувствовав, что один какой-то шов не удался, всё распарывала и заставляла Любку браться за иголку снова...

В 1934 году Любка стала ученицей.

А вот братья упорно отказывались ходить в школу. Зато в Струмице открылся клуб эсперантистов, где собирались почти все дети бедняков. Записались и братья Сурчевы, стали регулярно его посещать; часто заставляли сестричку Любку разносить по городу какие-то книжки, передавать их разным людям.

Через некоторое время выяснилось, что в клубе нелегально изучался марксизм. Сыновья бывшего партизана Панде вполне естественным образом нашли дорогу в эту школу.

Ванга за них, конечно, переживала, но себе расслабиться (или не дай Боже, кому-нибудь пожаловаться) никогда не позволяла.

Наоборот, она вселяла уверенность, постоянно повторяя, что придут лучшие дни, непременно придут, уже скоро...

Она говорила это всем – и родным, и соседям, и подругам.

Как-то из стада пастуха Панде пропала овца. Он очень расстроился – чем платить хозяину?

Старшая дочь успокоила, сказав, что вор – из соседнего села и подробно описала его внешность.

Отец изумился, даже он не знал такого человека, а уж тем более не могла знать его Ванга, которая дальше двух-трёх близлежащих улиц нигде не бывала. Удивлённый до крайней степени и порядком растревоженный, он стал расспрашивать дочь подробнее, а она отвечала, что все это ей приснилось.

Она часто с грустью повторяла, что ей снятся разные неприятные события, которые потом, к сожалению, сбываются. Вероятно, такой была начальная стадия её ясновидения. Отец отправился по указанному адресу и действительно нашёл овцу.

А нищета никуда не уходила.

Но, несмотря на эту непроглядную нищету, струмишцы умели и развлекаться. К примеру, накануне Георгиева дня (6 мая) девушки опускали в кувшин особую метку, а на другой день по ней «узнавали» своё счастье.

Соседские девушки обычно ставили кувшин во дворе у Сурчевых под большим старым кустом тёмно-красных роз. Довольно часто (может быть из жалости) Вангелию выбирали «оракулом». Она вынимала метки и рассказывала девушкам их судьбу.

Рассказы эти часто исполнялись, но и тогда ещё никому в голову не приходило, что этот «оракул» действительно обладает даром предвидения.

В 1939 году Ванга заболела плевритом. Около 8 месяцев находилась она между жизнью и смертью, очень похудела. В солнечную погоду Любка выносила(!) её на улицу и клала в корыто.

39-й год вообще был сложным. Правительство проводило антинародную политику сближения с гитлеровской Германией. Повсюду вспыхивали стачки.

Панде считал это гибельным для народа – последовал арест. После издевательств выпустили. Кое-как оправившись, он снова отправился по селам на заработки. Но хватило его уже ненадолго.

8 ноября 1940 года в возрасте 54 лет Панде Сурчев умер.

Потекли дни полной безысходности, и только бескрайнее терпение Вангелии, её сильный характер помогали другим детям не впадать в отчаяние. Братья отправились батрачить в другие сёла. Ванга и Любка на долгое время остались вдвоём.

Новая страшная буря зрела над миром. Всюду были слышны разговоры о надвигающейся войне. Кто побогаче, запасался впрок продуктами.

Ванга часто повторяла, что надо собрать деньги и пожертвовать их церкви Пятнадцати святых мучеников. Через год начнётся война, и только щедрость жителей спасёт город от разрушения. А соседи её не слушали.

Но в апреле 1941 года по городу заколесили немецкие танки. Кругом чужая речь и топот сапог – гитлеровцы грабили дворы. Распахнулась и дверь Пандевых. Солдат оглядел убогую комнатку, пустой двор и со злостью вышел: взять было нечего.

В оккупационные годы слава Ванги как ясновидицы стала разноситься с огромной быстротой. К дому стали стекаться толпы людей – настоящее паломничество.

К тому времени едва ли не все мужчины городка либо сражались, либо были угнаны в Германию. И о каждом эта незрячая могла сказать, жив ли и когда вернётся.

Обычно она стояла у окна и тихим голосом рассказывала как бы увиденное.

Зрелище было настолько поразительным, что у многих появлялось желание упасть на колени, как перед святой.

Утверждают, что все, кому она предсказала скорое возвращение, действительно вернулись точно в названный срок.

А сейчас снова дадим слово Любке:

«8 апреля 1942 года к нам пришла бабка Тина, наша старая приятельница, и сказала, что сегодня нас посетит один важный гость. Объяснила только, что в 1918 году он жил у неё на квартире.»

Она вышла и через некоторое время вернулась с невысоким человеком с синими глазами, аккуратно подстриженными усами, одетым в серый мундир и бриджи. Он спросил у Ванги, сможет ли она уделить ему немного времени.

Бабка Тина шепнула мне: смотри на него во все глаза, ведь это болгарский царь Борис. Я удивилась, мне и на ум никогда не могло прийти, что нашу хибарку может посетить царь. А Ванга, встав на своё привычное место в углу комнаты, прежде чем гость успел что-либо спросить, заговорила строгим голосом: «Растёт твоя держава, распростёрлась она широко, но будь готов скоро уместить свои владения в скорлупке от ореха. - И повторила: - Будь готов. - Помолчав, добавила: - Помни дату – 28 августа!»

Царь, ни о чём не спрашивая, ушёл очень смущённым».

Забегая вперёд, уточним, что земной жизни болгарскому царю Борису оставалось полтора года. Дата смерти – 28 августа 1943 года.

А ещё Ванга прославилась как умелая целительница самых различных болезней. И своими знаниями сбивала с толку даже самых опытных гомеопатов, предлагая очень простые травы. И они давали поразительный и быстрый результат.

Постепенно рождались небылицы об этой молодой женщине.

Некоторые очень боялись её прорицаний, обвиняли в колдовстве. Другие, наоборот, преувеличивали всё сказанное, называя «библейскими чудесами».

Но, в общем, она всегда пользовалась уважением. Вангелию Пандеву без конца приглашали то стать крёстной матерью, то посетить свадьбу – уже, буквально, по всей стране. Считали, что присутствие незрячей целительницы принесёт в семью благополучие и взаимопонимание.

Однажды к ней пожаловал смуглый 23-летний вояка по имени Димитр Гуштеров. У него убили брата.

Димитр топтался во дворе, не решаясь войти. Ванга вышла сама, назвала по имени и проговорила: *«Я знаю, зачем ты пришёл. Ты хочешь знать имена убийц своего брата, может быть, я их тебе назову, но ты должен мне обещать, что не будешь мстить. Ты будешь жив и станешь свидетелем их преступлений – на суде».*

Ванга никому не разрешала мстить. Она твёрдо верила, что человек должен стремиться делать только добро, так как злые дела, в том числе и месть, никогда не остаются безнаказанными. И наказание всегда бывает очень жестоким, и если не поразит самого мстителя, то непременно станет проклятием для его потомков.

И когда спрашивали, почему всё так несправедливо, она всегда отвечала: *«Чтобы сильнее болело!»*

Димитра это просто сразило. Откуда она узнала его имя, как угадала, что томит его душу?

Он стал заходить в маленький домик всё чаще. И наконец Ванга, забрав с собой Любку, переехала к нему в Петрич. Братьев не было: Васил служил, а Томе угнали в Германию.

Разница в возрасте – почти 10 лет.

Все судачили – старовата невеста-то! Без приданого!

Круглый дурак – жених! Такая обуза...

Почему она решилась? Возможно, потому, что звали жениха Димитром...

Это имя много значило для Вангелии.

Почему он решился?

Неизвестно.

Новый дом был ужасным. Крыша грозилась рухнуть в любой момент. Двор – большой, очень запущенный.

А из окон соседних домов – десятки любопытных глаз – слава прорицательницы дошла и до этого города. Какая-то тётка стала громко удивляться: как это слепая может быть хозяйкой и, вообще, какая из неё работница...

В маленькой комнате на топчане лежала *«70-летняя мать будущего супруга Магдалена, на полу – трое детей её убитого сына, и ещё двое детей от другого сына да в углу их туберкулёзная мать. Грязь и бедность удручающие»*, - рассказывала Любка.

Вот так Ванга одну жизнь, наполненную нищетой и лишениями, поменяла на другую, такую же. 10 мая 1942 года состоялось венчание.

Вангелия Пандева Сурчева стала Димитровой Гуштеровой.

Очень нелегко пришлось невестке. Бабка Магдалена выбора сына не одобрила и при первой же встрече выдала: *«Неужели такова твоя судьба?»*

Невестка молча обиду проглотила и взялась за наведение порядка.

У неё был не только сильный характер, но и немалый опыт борьбы за жизнь – опыт, приобретённый, чуть ли не с рождения.

Семья жила точно так же, как и другие семьи того военного времени, но продолжалось это недолго.

Слухи о провидческом таланте супруги Митко Гуштерова расходились как круги по воде, и потекла людская река, теперь – в Петрич.

Димитр был очень недоволен таким развитием событий. Он считал, что жена должна прекратить свои предсказания и заниматься только домом. Ванга его любила и ценила, но считала, что её призвание – служить людям – намного сильнее семейных привязанностей. Кроме того, её удивительный дар не давал ей покоя, требуя постоянного самовыражения.

Шли и шли к ней самые различные люди: и гражданские, и военные, и больные, и томящиеся, у каждого в глазах светилась надежда на помощь.

В те годы много болгар уходило в партизаны. И родные часто приходили к Ванге в надежде что-нибудь услышать о детях. Такого рода посещения не остались тайной для полиции. Ванге угрожали – не подействовало. Тогда немцы заставили её отрабатывать «трудовую повинность», от которой – как слепую – прежде освобождали.

Тем временем была объявлена мобилизация воинов запаса. Митко попал в оккупационный корпус в Греции. Перед уходом пообещал, что, если вернётся жив и здоров, построит ей новый дом, в котором та навсегда забудет о своих несчастьях. У Митко были золотые руки и призвание строителя.

В 44-м вернулся Васил и решил уйти к партизанам. Тайком от Ванги с ним сбежала и Любка. Вангу опечалило решение брата – со слезами на глазах она повторяла: *«Не ходи, тебя убьют в 23 года!»*

Брат не верил.

Печальное предсказание сбылось – Васи́ла убили в 23 года.

Но вернулся живым Митко и, как и обещал, построил ей новый дом.

А в 47-м тяжело заболел. Чтобы уменьшить страдания, пристрастился к рюмке – стал законченным алкоголиком.

А люди всё шли и шли к Ванге, и она их выслушивала, давала советы, лечила. И никто не подозревал, какая трагедия разыгрывается в её собственном доме.

Митко умер от рака 1 апреля 1962 года.

Жена неотлучно находилась у его постели. А в момент смерти Димитра – спала. Уже сделали всё необходимое, начали приходить люди, а она всё не просыпалась – до самого погребения.

Потом сказала: *«Я проводила его до места, которое было ему определено».*

Чёрный вдовий платок она больше никогда не снимет.

Димитр был для Ванги верной опорой на тяжёлом жизненном пути, теперь она одна уже не могла справляться со множеством людей – стоящих перед воротами, молящих о помощи, ждущих поддержки...

Однажды, в 1966 году, толпа едва не задавила саму провидицу. После этого случая она с сестрой Любкой и её мужем Стояном переехала в село Рупиту.

...А люди идут и идут – со всего света. С различными проблемами, с различными вопросами, учёные и вовсе неграмотные, скептики и верующие, здоровые и больные – они переступают её порог со страхом или насмешкой, с недоверием или любопытством. И никому она не отказывает.

Когда Ванга поняла, что точно не сможет сама помочь этим тысячам страждущих, то обратилась за помощью к властям.

(Хотя, вообще-то, не все её пророчества властям нравились: за полгода до смерти Иосифа Сталина она имела неосторожность эту смерть предсказать, за что и отсидела положенное.)

Но теперь её внимательно выслушали.

И с 3 октября 1967 года Вангелия Димитрова Гуштерова, по её словам, *«поступила на государственную службу»*. Были назначены люди для поддержания порядка. При общинском совете создали специальную службу, ведущую учёт всех посетителей.

Одним словом, к Ванге наконец-то пришло официальное признание, и она сама стала объектом научного исследования в Институте суггестологии и парапсихологии, руководимом Георги Лозановым. К сожалению, эта серьёзная работа постепенно прекратилась, и многочисленные материалы не опубликованы.

Зато распространялись самые невероятные слухи. Они, в свою очередь, ещё подогревали интерес к её феноменальному дарованию – такая бесплатная реклама.

В 1966 году, наконец, появилась статья под названием «Парапсихология и Ванга».

А известность была уже вселенская, о чём свидетельствует многочисленная почта: письма и поздравления с праздниками болгарская провидица получала со всех концов мира.

В 1970 году в США вышла книга о людях феноменальных способностей. И самая первая глава – «Ванга Димитрова – болгарский оракул».

В 1994 году (по инициативе болгарского издательства церковной литературы) Вангелию признали «проповедником года».

Практически всю жизнь она, как могла, приносила людям облегчение. А сама в конце жизни сильно страдала – не прошли годы лишений бесследно – развилась онкология.

В июле 1996 года Ванга объявила о точной дате смерти: через месяц, 11 августа.

Разумеется, это тут же привлекло кинематографистов, решивших снять документальный фильм об её последних днях.

(Насколько это этично, сказать трудно, но фильм снят и даёт нам возможность знакомства с этой удивительной женщиной.)

Правда, в последнюю неделю журналистов к ней уже не впускали. Хотя сводки о состоянии здоровья поступали в СМИ регулярно.

Кончину Вангелия Димитрова Гуштерова приняла с улыбкой.

Ровно в полночь 10 августа врачи констатировали резкое улучшение. Пульс выровнялся, дыхание стало свободным.

По словам племянницы Ани, попросила стакан воды и хлеба, потом – чтобы её искупали.

Потом сказала что-то вроде: *«Вот теперь я в порядке»*.

Около 9 часов утра Ванга сообщила, что за ней прибыли духи некогда умерших родственников. Прорицательница разговаривала с ними, делала движения, будто гладила кого-то по голове.

В 10 часов 10 минут утра 11 августа 1996 года сердце прорицательницы остановилось.

Тысячи людей со всех концов страны съехались в Рупите к построенному на её пожертвования храму «Святая Петка», чтобы проститься с Пророчицей Болгарской. Именно так – с двух заглавных букв – называли болгары свою Вангелию, оставившую их на 86-м году жизни.

Её и похоронили рядом с этим храмом.

Пророчица Болгарская ушла в мир иной, не назначив своих преемников. Никто не знает, остались ли у неё наследники.

Дочь Венета – Венче – приёмная и даром предвидения не обладает.

Говорят, некогда Вангелия предсказала, что возродится в теле девушки из Южной Франции, которая также будет слепой.

Однако перед смертью она заявила: *«Бог дал мне эти способности, и Бог решит, кому их передать. От меня ничего не зависит».*

И по сей день не все верят в способности этой женщины.

Но разрешите привести ещё один пример её феноменальных способностей.

Слово снова младшей сестре:

«У Ванги был транзистор «Сокол», который она обычно брала с собой, носила в сумке. Правда, слушали передачи родственники, а она улетала мыслями в дальние дали.

И вот как-то на бедную Вангу налетела стая столичных чиновников, чтобы описать все до одного подарка, оставленные благодарными посетителями. Что в доме творилось – словами не передать. Ванга страшно разволновалась, такой её никогда не видели, а после разболелась и целый месяц лежала в больнице, в Софии. И, представьте себе, всё это время дом её был открыт, а рьяные чинуши не столько описывали вещи (их можно было описать за день), сколько прибирали к рукам, что больше понравится.

Вернувшись из больницы, Ванга не захотела даже войти в свой дом, осталась в Рупите, сказав с горечью: «Не желаю ходить по следам воров!» Весь дом родственники вычистили, заново покрасили, мебель расставили по своим местам, и всё же Ванга с тех пор не любит этот дом – дом, который осквернили официальные воры.

Однажды она спросила, не встречался ли ёе транзистор. Племянница ответила, что искала его везде, но, увы, не нашла. А Ванга буркнула себе под нос: «Ничего, он сам мне принесёт приёмник». Никто, конечно, не понял, кто именно должен принести приёмник.

Кассиром при её «конторе» служил в то время один пожилой человек, который вдруг тяжело заболел. И вот, будучи уже тяжелобольным, он пришёл к Ванге с транзистором. Запинаясь и краснея, стал рассказывать, что взял приёмник, будучи уверен, что тяжелобольная Ванга не вернётся из больницы, слёзно просил прощения.

Ванга даже не дотронулась до транзистора, только сказала: «Бедняга, мне жаль тебя, ты заплатишь за то, что украл у меня эту вещь. Я прощаю тебя, только сделать уже ничего нельзя. Поздно ты пришёл».

Вскоре несчастный кассир в страшных муках скончался.

Не перестаёт удивлять характер Ванги: знать, у кого украденная вещь, и молчать, чтобы не обидеть человека.

Все виновные в том преступном обыске приходят к порогу её дома просить прощения. Ванга их как бы не замечает, а что в душе у неё – знает только она сама».

Её слова, обращённые к народу Болгарии, проблемами и тяготами которого она жила более полувека, – её завещание успел увековечить кинорежиссёр С. Иванов.

Вот некоторые выдержки из этого завещания:

«Христос сказал: «Я даю, но не устилаю путь розами».

...Если бы вы только знали, что творится в моей голове!

...Снова говорю вам: не будьте эгоистами, не завидуйте, будьте лучше, добрее, любите друг друга.

...Не теряйте надежды!»

*

«Святая наука услышать друг друга» – методическое пособие, посвящённое юбилейным датам 2011 года в области тифлологии.

Восьмой выпуск предоставляет вниманию читателя возможность заглянуть в Московскую офтальмологическую больницу, познакомиться с творчеством автора «гимна Байкала» Дмитрия Давыдова, побывать на репетиции балерины Алисии Алонсо, отдать дань признательности гениальному учёному Герману Гельмгольцу; а также вспомнить о нелёгкой жизни нашей удивительной современницы Ванги и – многое другое.